

А. И. Кравченко

**Антология
социально-экономической
мысли России: XIX–XX века**

DirectMEDIA

1

Антология
Антология социально-
экономической мысли
России. XIX–XX века. Том 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67713096

Антология социально-экономической мысли России: XIX–XX века:

ISBN 978-5-4499-2097-3

Аннотация

«Антология социально-экономической мысли в России» позволяет проследить двухсотлетний период развития отечественной социально-экономической мысли в оригинальных произведениях ее основных представителей.

В первый том включены работы таких выдающихся ученых, как С. Н. Булгаков, А. А. Кауфман, Н. П. Огановский, А. А. Исаев, В. В. Святловский, С. Н. Прокопович, А. М. Стопани, М. Давидович, Г. Наумов, П. Тимофеев, Ф. А. Щербина. Они посвящены самым актуальным проблемам того времени: условиям труда и быта заводских рабочих, поземельной общине, переселению крестьян в Сибирь, рабочим и крестьянским бюджетам. Теоретико-методологический уровень и методическая оснащенность этих исследований превосходит то, что есть в современной России, и сопоставимо с ведущими европейскими и

американскими научными изысканиями тех лет, а то и опережает их. Несомненно, то был золотой век отечественной гуманитарной науки.

Предназначается для специалистов-социологов, историков, политологов и широкого круга читателей, интересующихся русской историей.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	6
Булгаков С. Н	24
Отдел первый. Крупное производство в земледелии	24
Глава IV. История германского землевладения XIX век	24
Отдел второй. Мелкое производство в земледелии	34
Глава VI. Условия развития крестьянского хозяйства	34
Отдел третий. Экономические особенности колониального развития капитализма	73
Глава VIII. Северо-Американские Соединенные Штаты	73
Заключение	87
Глава IX. Основные особенности современного момента развития капитализма	87
Булгаков С. Н. Что такое трудовая ценность[17]	94
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Антология социально- экономической мысли России: XIX–XX века

© Кравченко А. И., ред. и сост., 2021

© Издательство «Директмедиа Паблишинг», оформление, 2021

Предисловие

Антология является составной частью общего курса профессора А. И. Кравченко, посвященного истории отечественной социальной науке. **Первая часть** включает его труд «История социально-экономической мысли в России»¹, охватывающий двухсотлетний период развития социологии труда и экономической социологии в России, подробный анализ основных школ, направлений, персоналий и тематических областей научного знания. **Вторая часть** этого проекта предполагает собственно Антологию, куда включены наиважнейшие, с точки зрения составителя, либо наиболее характерные для той или иной эпохи источники – сочинения выдающихся мыслителей, составивших славу и гордость российского обществознания, а также малоизвестных широко читателю авторов, составивших замечательные и полные глубокого значения произведения, побуждающие современного читателя, особенно принадлежащего к молодому поколению, к собственным размышлениям и вызывающим у него чувство глубокой признательности нашим предкам, оставившим нам такое прекрасное культурное наследие.

Книга включает отрывки из произведений ведущих отечественных социологов и экономистов 19–20 вв. Работа пре-

---

¹ Кравченко А. И. История социально-экономической мысли в России. М.: Академический проект, 2010.

следует своей целью осветить историю отечественной социально-экономической мысли за полтора столетия – с середины 19 по начало 21 вв. и охватывает четыре периода: дореволюционный, постреволюционный, послевоенный и современный.

Дореволюционный период начинается приблизительно с середины 19 в. и заканчивается 1917 г. В это время в России появились фигуры европейского и мирового класса. Исследования С. Булгакова, М. Туган-Барановского, Ф. Щербины, С. Прокоповича, А. Исаева, П. Тимофеева, С. Солнцева, Г. Полляка, А. Кауфмана, В. Святловского, Е. Дементьева, Г. Наумова, А. Стопани, М. Давидовича посвящены бюджетам рабочих и крестьян, уровню жизни и миграции населения, в частности переселению крестьян в Сибирь, социально-классовой структуре общества, труду и быту рабочих на производстве (условия, оплата и организация труда), проблемам бедности и неравенства, потребительскому поведению, развитию капитализма в России и становлению русской поземельной общины, состоянию домашнего и мелкого крестьянского хозяйства и др.

Постреволюционный период (1920–30-е годы) является одним из самых интересных и плодотворных. В те годы существовало около 10-ти научно-исследовательских институтов НОТ и управления, тысячи бюро, секций и лабораторий НОТ – первичных ячеек массового рационализаторского движения; по проблемам управления и НОТ выходи-

ло около 20-ти журналов. В 1920-е годы теоретические основы науки управления, экономики и труда, организации крестьянского хозяйства развивали такие крупные ученые, как А. Чайнов, Н. Кондратьев, С. Струмилин, А. Гастев, Л. Минц, Ф. Дунаевский, Н. Витке, П. Керженцев, А. Журавский, эмпирические и прикладные исследования, посвященные бюджетам рабочих и служащих, безработице, трудовым конфликтам, утомляемости и взаимоотношениям на производстве, организации, дисциплине и оплате труда проводили Е. Кабо, К. Пажитнов, И. Беспрозванный, А. Гольцман, А. Челинцев, А. Визгалин, Н. Бернштейн, К. Кекчеев, Ф. Кутейщиков, Е. Саломонович, А. Михайлов, И. Вовси, К. Барышников и др.

Послевоенный период (1960–80-е годы) и *современный период*, охватывающий недавнее время, а именно 1990–2000-е годы, объединены в один раздел. В это время советская, а затем постсоветская социально-экономическая мысль добилась серьезных результатов в изучении мотивации и удовлетворенности трудом, профессионально-квалификационной структуры предприятия, трудовой дисциплины и производительности труда, управленческих отношений, занятости и безработицы, конфликтов и забастовок на производстве и др. На этот период приходится расцвет заводской социологии, которая успешно занималась реорганизацией социотехнических систем, внедрением новых форм организации труда и управления. В книге приводятся фрагменты из произ-

ведений В. Ядова, В. Подмаркова, Л. Бляхмана, Е. Антосенкова, И. Поповой, О. Шкаратана, В. Щербины, В. Герчикова, В. Дудченко, Л. Гордона, А. Пригожина, В. Радаева, В. Чичилимова и др.

К сожалению, многие работы наших соотечественников доходят до нас и открываются нами только после того, как на них обращают внимание за рубежом. Часто оказывается, что идеи, определившие ход мировой науки, предаются забвению у себя на родине. Если открыть социологические и экономические работы постреволюционной и послевоенной поры, то не только проработки, но и простого упоминания идей наших С. Солнцева, А. Исаева, А. Кауфмана, Г. Полляка и других мы попросту не обнаружим. Современные специалисты по социологии профессий не знают работ основателя этой дисциплины Г. Полляка. В исследованиях бюджетов времени 1960–90-х годов напрочь утеряна традиция и теоретико-методологические завоевания бюджетных исследований рабочих и крестьян дореволюционной поры. Примеры можно приводить до бесконечности. Иногда складывается впечатление, что послевоенная социология в СССР началась как бы с чистого листа. Парадокс, но американские работы изучались вдоль и поперек, они выступали образцом научного метода, с них списывались кружева (чаще всего неудачно), а отечественные методологические программы были преданы полному забвению. Не удивителен и результат: по большинству позиций послевоенная и современная

социально-экономическая мысль в стране скатилась назад по сравнению с тем уровнем, какой наука достигла до революции.

Исследования Ф. Щербины, С. Прокоповича, А. Чаянова, М. Давидовича, А. Н. Челинцева и многих других отвечали самым высоким требованиям науки: тщательность составления региональной и межрегиональной выборочной совокупности, методологическая проработанность теоретической модели предмета исследования, аргументированный подбор социально-экономических показателей, выдвижение и проверка гипотез. Их отличают щепетильная работа с методическим инструментарием и респондентами, продуманность в составлении таблиц и их интерпретация.

Если прибавить и тот факт, что у большинства ученых дореволюционной поры данные по России (урожайность, уровень жизни, миграция, производительность труда, доходы и структура бюджетов) приводятся в сравнительном анализе с данными зарубежных стран, чего, как правило, не делали социэкономисты постреволюционного и послевоенного периодов, а также и то обстоятельство, что теоретические выводы и практические рекомендации носили такой характер, что по ним можно было смело выверять ход экономических реформ (например, переселение крестьян в Сибирь, перераспределение земельного фонда страны) в масштабах всей страны, не боясь допустить грубых просчетов, то можно заключить, что дореволюционная социально-экономическая

наука в России превосходила по своему уровню науку двух последующих периодов и до сих пор может служить классическим эталоном чистоты научной мысли.

Ощущение недостигаемости тех высот, которых достигла дореволюционная мысль в России, не покидает и при чтении других, не принадлежащих к бюджетному направлению, произведений. Небольшая книга П. Тимофеева «Как живет заводский рабочий» относится к жанру социологической публицистики и представляет собой результат включенного наблюдения, которые автор проводил на протяжении 10 лет, проработав на десятках заводов в различных уголках страны и ознакомившись со всеми аспектами трудовой жизни: от условий и оплаты труда, взаимоотношений мастера и рабочих и рабочих между собой, приема на работу и увольнения кадров, трудовых норм и обычаев. Яркие зарисовки из заводской жизни соседствуют здесь с беспристрастным, часто статистическим анализом объективных закономерностей.

Книга выдающегося теоретика XIX – начала XX века С. Солнцева «Рабочие бюджеты в связи с теорией «обеднения» (1907) на первый взгляд не представляет интереса для тех, кто под строгой наукой понимает лишь обобщение данных, полученных в собственном эмпирическом исследовании. Работа С. Солнцева построена на данных вторичного анализа. Но какого! Российские бюджетные исследования сравниваются с германскими, бельгийскими, французскими, английскими и дается их квалифицированный анализ. Автор

на равных полемизирует с классиками европейской науки (эта черта, между прочим, присуща всей дореволюционной науке), в частности, знаменитым Энгелем, создавшим признаваемый и сегодня закон бедности, разбирает методологические принципы и предлагает собственные, глубоко аргументированные подходы и решения. Предложенная С. Солнцевым версия марксовской теории обеднения, ее эмпирическая верификация и концептуальное осмысление следует отнести к одной из вершин европейской мысли.

Именно в дореволюционный период С. Булгаков, которого относят к вершинам мировой социально-экономической мысли, написал бессмертное произведение «Капитализм и земледелие». Его вне всяких сомнений можно поставить в один ряд с лучшими работами М. Вебера и Г. Зиммеля, относящимися к области экономической социологии.

Именно в дореволюционный период складывается в основных чертах получившая свое завершение лишь после революции некапиталистическая теория крестьянского хозяйства А. Чаянова. В СССР его творчество не признавали и переиздание работ произошло уже в постсоветское время – в конце 80-х и начале 90-х годов. Вместе с тем известно, что его основные работы, переведенные на Западе в 1966 г., наделали много шума и произвели настоящий переворот в экономической антропологии. Вот уже несколько десятилетий теорию Чаянова проверяют многие ученые в странах третьего мира и постоянно находят все новые подтверждения.

С определенной долей уверенности можно говорить о том, что теория А. Чаянова, как и теория экономических волн Н. Кондратьева, вошла в сокровищницу мировой науки.

Период 1920–30-х годов – один из самых интересных и плодотворных. Сравнивая его с предшествующим, дореволюционным периодом, следует отметить некоторое понижение теоретико-методологического и эмпирического уровня научных исследований. Объяснение, видимо, надо искать в объективных переменах, произошедших в стране после 1917 г. Нарушилась преемственность идей и кадров в отечественной науке. и не только в гуманитарной. Разрыв поколений чувствовался везде. В 1922 г. за границу выслана элита русской интеллигенции, что незамедлительно сказалось и на социально-психологической атмосфере в научных кругах, и на уровне доверия властям, и на качестве научных публикаций.

Место объективного анализа заняли пропагандистские реляции в пользу победившего пролетариата. Реальные недостатки, а то и серьезные промахи властей стали все больше замалчиваться. Героический пафос созидания и построения нового общества перевешивал научные доводы и убедительность эмпирических фактов. Чувствуется изменение методологических установок научного исследования: факты просеиваются, на поверхности остаются лишь те, что подтверждают преимущества социализма. Фактические свидетельства о реальных проблемах и кризисе подаются как по-

казатели временных затруднений, переживаемых советским строем. Затруднений, которые, – в этом практически все авторы искренне уверены, – будут вскоре успешно преодолены. Таким образом, социально-экономическим проблемам начал придаваться эпизодический характер.

На этом фоне резко выделяется группа исторических работ, посвященных дореволюционному прошлому страны, в частности оплате труда, характеру и содержанию работы и др. Бичуя пороки крепостного строя, советские ученые говорят о структурном кризисе общества, неизбежности и неустранимости социально-экономических деформаций и кризисов при капитализме. Как только те же или другие авторы переходят к описанию текущих событий, их настроение, пафос и целевые установки резко меняются. Трудности кажутся уже незначительными, а проблемы преодолимыми.

Изменение методологических установок в последующие годы, прежде всего в послевоенный период, станет еще более глубоким, можно сказать – необратимым. и то, что в 1920-е годы было покрыто некоторым ореолом романтики, искренним восхищением победившим пролетариатом, в 1960–80-е годы превращается в натуженный «ура-патриотизм». Искреннее восхищение сменяется усталым служением теперь уже гегемону, сочувствие угнетенным – раболепием перед властью имущими. Принцип партийности окончательно вытесняет веберовский принцип свободы от оценок. Тенденция подмены научных критериев классовыми, только еще

обозначавшаяся в 1920-е годы, переросла в объективную закономерность, регулирующую научный поиск, в 1980-е годы.

В 1920-е годы теоретические основы науки управления понимаемой широко – от управления всем народным хозяйством до руководства отдельным предприятием, государственным учреждением и деревенским хозяйством – развивали такие крупные ученые, как А. Чаянов, Н. Кондратьев, С. Струмилин, А. Гастев, А. Богданов. Каждый из них представлял собой неповторимую индивидуальность, яркий исследовательский и публицистический талант, оставивший заметный след в истории. Не менее яркими фигурами представлен и второй эшелон управленцев – Ф. Дунаевский, Н. Витке, П. Керженцев, А. Журавский, О. Ерманский, если к ним вообще применимо понятие «второго эшелона». Они проводили серьезные научные исследования, публиковали книги и статьи, возглавляли институты и комитеты, выступали пропагандистами нового стиля управления. Сюда можно причислить плеяду крупных психологов, занимающихся психотехникой, профессиональным отбором, изучением человеческого фактора. Это В. Бехтерев, А. Кларк, А. Лурия. Практическими проблемами управления вплотную занимались видные политические деятели – В. Куйбышев, Н. Бухарин, Ф. Дзержинский. Одним из лидеров нового поколения стал А. К. Гастев.

Значительная часть Антологии посвящена бюджетным

исследованиям, которые в 1920-е годы были ориентированы не на крестьянство, а на рабочий класс. Г. Полляк, представленный в первом томе Антологии работой по социологии профессий, во втором томе выступает с работой по бюджетам. Нельзя сказать, чтобы бюджетная тематика являлась самой распространенной или модной, но большое количество работ в те годы, посвященных изучению уровня жизни населения с помощью бюджетной методологии, – последняя страница истории социологии бюджетов как отрасли экономической социологии. В 1960–80-е годы акценты резко смещаются с изучения уровня жизни на исследование образа жизни, построенных исключительно на анализе распределения времени в течение суток. Переакцентировка с рублей на часы – вовсе не безобидный в научном плане шаг. Он знаменовал уход от самых острых и опасных тем к самым рутинным, зато безопасным проблемам, разрыв научной традиции, потерю завоеванных позиций. Неслучайно, что возвращение к проблемам бедности и неравенства в 1990-е годы у отечественных социологов произошло как бы с чистого листа: статистическая база, созданная в до- и постреволюционный период, оказалась невостребованной, так как сравнивать тогдашние показатели уровня жизни было уже не с чем (в 1990-е годы статистики, широкомасштабной и объективной, по бедности не сформировалось).

Зато можно сравнивать проблемы безработицы в 1920-е и 1990-е годы. В этом плане Антология предоставляет благо-

датный материал: здесь и статистика безработицы, и бюджеты безработных, и так называемый институт трудового посредничества, т. е. биржи труда, трудности и результаты их работы. Вообще проблемы подбора, тестирования, аттестации и распределения персонала, составляющие ныне предмет самостоятельной области знания – управления персоналом, в 1920-е годы являлись не менее актуальными, чем в 1990-е.

К этому разделу примыкает блок вопросов, связанных с оплатой труда и трудовыми конфликтами. Обе темы тесно увязаны между собой. Оказывается, что невыплаты заработной платы выступали одной из важнейших причин возникновения трудовых конфликтов 20-е и 90-е годы XX столетия. А если заглянуть глубже, то задержки и невыплаты служили причиной конфликтов, забастовок и бунтов аж-то в XVIII веке. Заглянуть в глубь истории во втором тому позволят статьи, переопубликованные из журнала «Архив истории труда». Он выпускался созданной в 1921 г. Ученой Комиссией по исследованию истории труда в России при Петроградском совете профсоюзов, в состав которой вошли Юл. Гессен, И. М. Кулишер, С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков, А. С. Путилов, Е. В. Тарле, Г. В. Цыперович, С. В. Фарфоровский, Л. М. Айзенберг, А. И. Браудо, Ф. А. Вальтер, А. Л. Блек, В. В. Колпенский, Г. Ф. Лапо, Б. А. Романов и др. Журнал проделал колоссальную историко-архивную работу, классификационную и библиографическую, опубликовав десятки

первоклассных материалов по истории труда в России. Они не были известны даже дореволюционным ученым, которые, как казалось, отличались максимальной тщательностью и аккуратностью. В основном они посвящены дореволюционному периоду и представляют до сих пор бесценный источник информации.

Период 1920–30-х годов выглядит менее предпочтительно лишь на фоне его сравнения с предшествующим, дореволюционным, но более предпочтительно на фоне его сравнения со всеми последующими этапами становления отечественной социологии труда и экономической социологии. Если прочертить кривую, выражающую собой этапы жизненного цикла отечественной социологии, то она, начиная с 80-х годов XIX века, будет постепенно, но неуклонно снижаться по мере приближения к 80-м и 90-м годам XX века. Хотя сегодня – на фоне глубочайшего кризиса науки 1990-х годов – советский период считается уже чем-то вроде золотого века, не следует переоценивать его достижения на фоне того, что было сделано в предшествующие периоды. После кризисных 1990-х наблюдается определенное оживление исследовательской деятельности и теоретической мысли – если не по своим масштабам и глубине, то по разнообразию тематики и оригинальности подходов.

Таким образом, о каждом из четырех периодов развития социально-экономической мысли в России есть что сказать. Но еще лучше, если говорить о своем времени и его пробле-

мах будут те, кто жил в ту эпоху. Оригинальные произведения, исторические источники нельзя заменить компиляциями, комментариями, историческими рассуждениями. Заменить нельзя, но можно дополнить и расширить. Вот почему антология и историческая монография, посвященные одному предмету, вместе дадут наиболее полную картину научной мысли и развития общества.

При подборе и оформлении материалов составитель стремился максимально облегчить задачу усвоения и понимания текста современными читателями. Из оригинальных произведений, никогда в советское время не переиздававшихся, было удалено все, что мешает их восприятию и усвоению: знаменитые «яти» (ѣ), второстепенные факты и подробности, которые имели место или были интересны сто лет тому назад, но потеряли всякий смысл сегодня, стилевые архаизмы. Исправлены стилистические обороты и грамматические формулы, которые. Хотя и были повседневной нормой 80 или 120 лет назад, сегодня могут быть восприняты читателем как ошибка издателей, не потрудившихся исправить ошибки.

Скорее всего нынешний читатель будет всякий раз спотыкаться (а значит терять нить повествования и смысл прочитанного), если вместо привычного «несмотря» и «наряду» он будет встречать сотни «не смотря», «на ряду» и т. п. Вряд ли облегчат чтение и такие архаизмы, как «важные причины», «разстаются», «господствующаго строя», «изста-

ри», «безспорно», «средне-ли», «ея», «расскажу», «бесплодна», «трудно-ли», «интензивного», «исследования», «общаго», «точные», «возрасло». Раньше врозь было принято писать то, что сегодня пишется слитно, например «не большая книга», «и так», «по истине», «на ряду», «при чем», «не добросовестности», «не трудно», «из под», и наоборот: «едва-ли», «неубеждают», «необезпечивало» и т. п. В других случаях раньше писалось вовсе не так, как пишется сегодня, например, «официальные сведения», «поравну», «устроющих» и т. д. Вызывает затруднение и такой архаизм, как «планирование», встречающийся и Н. Витке в 1920-е годы. Совершенно очевидно, что оно означает понятное нам планирование.

В тоже время пришлось сохранить речевые обороты и знаковые выделения (особенно запятыми), которые, возможно, не соответствуют современным правилам русского языка, но выражают своеобразие авторской мысли и стиль определенной исторической эпохи. Например, у того же Н. Витке встречается выражение «индивидуалистически-авторитарно-традиционного». Никаким современным аналогом его не заменишь. Да и надо ли менять?

Очень часто подобные «неправильности» по-новому оттеняли смысл предложения и их отсутствие либо исправление могло исказить содержание. Допускать подобного своеволия нельзя. Составитель предпочел исправлять «когда либо» на «когда-либо», но оставить без изменения всю пунктуацию и

то, что характеризует индивидуальное стилистическое своеобразие авторов. Он руководствовался правилом: если архаизм не читается как ошибка корректоров или редакторов, он сохраняется. Вот почему читатель встретит лишь наполовину «причесанный» текст. Но он должен помнить, что устранению или оставлению старомодного написания каждый раз предшествовало длительное обсуждение и тщательный анализ.

Сокращению подвергались не только стилистические архаизмы, мешающие чтению текста, но и смысловые фрагменты. Разумеется, ничего ценного из научного текста не выброшено. Сокращены второстепенные детали, конкретизирующая местные события статистика, полемика с давно забытыми учеными, мало что дающая нынешним читателям, а также малозначительные сноски. Любое сокращение, дабы сохранить корректность общей работы, обязательно обозначались. Никакого своеволия по отношению к тексту не допускалось. Сокращения диктовались ограниченностью объема настоящей Антологии, а также ее жанром – служить не академическим изданием, а скорее научно-образовательным пособием для студентов и преподавателей, призванным донести до современников живую *мысль* наших предков.

Значительная часть материалов, помещенных в эту книгу, уже была опубликована в двух антологиях, вышедших под редакцией А. И. Кравченко². Неопубликованными остава-

---

² Антология социально-экономической мысли в России. Дореволюционный пе-

лись материалы, представляющие поствоенный и современный периоды. Их публикация постоянно откладывалась, поскольку не находилось тех, кто способен был профинансировать издание. Хотя все необходимые материалы были собраны в 2001 г., после того как главный редактор журнала «Социологические исследования» профессор Ж. Т. Тощенко поставил задачу – выпустить сборник материалов, опубликованных в Социсе за многолетний период, посвященный проблемам экономической социологии и социологии труда. Таким образом, новым словом по сравнению с двумя указанными изданиями следует считать добавление в эту книгу материалов поствоенного и современного периодов. Но кроме того немало нововведений существует и в двух первых частях этой книги по сравнению с двумя указанными выше изданиями. Часть авторов составитель намеренно исключил, помятуя о том, что они либо уже опубликованы, либо освещены им достаточно подробно в его «Истории социально-экономической мысли в России» – книге, неразрывно связанной с данной Антологией.

Предлагаемая книга обращена не только к нынешним студентам, призванным развивать отечественную науку в XXI век. Не меньшую пользу она принесет и нынешним ученым, тем, кто занимается не историей научной мысли и

риод / под общей ред. А. И. Кравченко. СПб., 2000; Антология социально-экономической мысли в России. 20–30 годы XX века / под общей ред. А. И. Кравченко. М., 2001.

поэтому хотя бы по долгу службы так или иначе знакомым с некоторыми идеями дореволюционной российской науки, а с действующими эмпириками, теоретиками, методологами. Публикуемые в Антологии произведения – не культурное прошлое, а наше научное будущее, ибо они способны научить нас работающей методологии, тому, что необходимо нам в исследовательской практике.

Может быть, настало время поставить все на свои места и воздать должное нашим предкам!? Почему научная молодежь XXI века должна учиться лишь на зарубежных образцах и не знать собственного культурного наследия? Наследия, которым, кстати сказать, восхищались зарубежные ученые. Именно они, а не мы, продолжали использовать себе во благо чаяновские и кондратьевские идеи, повышая уровень своей науки, и в 1960-е, и в 2000-е годы.

* * *

При подготовке третьего тома данной книги часть технической работы выполнили А. А. Антонова, Г. В. Атаян, И. М. Атаян, Е. Ю. Власов, Л. А. Гусейнова, И. О. Тюрина.

Булгаков С. Н

Капитализм и земледелие³

Отдел первый. Крупное производство в земледелии

Глава IV. История германского землевладения XIX век

Недостаток рабочих рук, и именно редкость их населения, оказывается основной причиной хозяйственной их отсталости, вызывающей перенаселение: согласно этому парадоксу, заработная плата и спрос на труд всего выше там, где наибольшее его предложение благодаря густому населению, а всего ниже там, где предложение труда наименьшее, но зато и наименьший спрос: спрос на труд изменяется прямо пропорционально предложению. В этом противоречии движется новейшая хозяйственная история Германии, и промышленный капитализм мало по малу поражает на голову аграрный.

---

³ Сокращено по источнику: Булгаков С. Н. Капитализм и земледелие. Т. 2. СПб., 1900. С. 101–458.

Нетрудно видеть – мы знакомы с этим уже по опыту Англии, – что эмигрирующие сельскохозяйственные рабочие не только получают надежду на улучшение собственного положения, но и, несомненно, улучшают положение оставшихся товарищей. Отношение между спросом и предложением труда изменяется в пользу рабочих. Вот почему и в Германии, хотя и в слабейшей степени, чем в Англии, мы наблюдаем одно и то же явление, коренящееся в самых основах экономики земледелия: положение труда, невыносимо тягостное в эпоху наибольшего процветания земледелия, становится более благоприятным в эпоху аграрного кризиса. Интересы предпринимателя и рабочего в земледелии антагонистичны как ни в одной из других отраслей промышленности, где существует известная солидарность интересов труда и производства, выражающаяся в экономии высокой заработной платы. Антагонизм этот оказывается фатальным для крупного производства, потому что повышение заработной платы настигает его в момент наименьшей платежеспособности.

Поднятие заработной платы сельскохозяйственных рабочих становится ощутительным с 70-х годов. Наибольшей высоты заработная плата сельскохозяйственных рабочих достигла, говорит Гольц, после франко-прусской войны, в начале 70-х годов. Вся экономическая жизнь испытала тогда необыкновенный подъем; значительное количество новых предприятий было впервые вызвано в жизнь, уже существовавшие расширились, спрос на рабочую силу был вы-

ше предложения, золото было в изобилии; цены как на растительные, так и животные продукты сельского хозяйства достигли такой высоты, какой они никогда не достигали прежде за исключением нескольких голодных годов. Вследствие всех этих причин, возросла заработная плата сначала в городах, в промышленности. Сельскохозяйственные рабочие из восточных провинций Пруссии массами выселялись в города и промышленные округа западной Германии, чтобы заработать больше денег. Расширение железнодорожной сети, которое произошло за последнее время и на востоке, сделало это возможным с небольшими издержками. Если сельские хозяева хотели удержать у себя достаточное количество рабочей силы, они должны были значительно повысить цены. Подобный же подъем заработной платы сельскохозяйственных рабочих наблюдался и в Баварии в 70-х годах.

Начиная с 70-х годов заработная плата сельских рабочих – с вполне понятными колебаниями – растет, и, быть может, не столько растет уровень заработной платы наилучше поставленных рабочих, сколько уменьшается, а по местам даже исчезает тот класс голодных «свободных» рабочих, бездомных и безземельных, который составлял социальную язву, а вместе с тем условие благополучия сельского хозяйства в первые три четверти XIX века.

Говоря абстрактно, ни за той, ни за другой отраслью человеческого труда нельзя отрицать права на поддержку и покровительство со стороны государства, и ни одна из них не

имеет на это большего права, чем другая. Я знаю, какие красноречивые тирады могут быть сказаны на тему о тяжести налогов на хлеб для рабочего человека, но не менее красноречиво можно говорить и на тему о разорении сельского производителя под бременем низких цен. Там, где сталкиваются противоположные и одинаково оправданные интересы, не может быть дано принципиального разрешения вопроса, его решает фактическое положение вещей, удельный вес каждого из интересов. Поясню это парадоксальным примером. Представим себе, что Германия захотела бы разоружиться; эта мера, благодетельная для всего общества, тем не менее противоречила бы интересам рабочих Круппа и других фабрикантов, изготовлявших вооружение, потому что закрытие этих фабрик выбросило бы их на улицу. Однако здесь не может возникнуть никакого колебания, потому что, с одной стороны, затрагиваются весьма важные интересы всего общества, а с другой – им противостоят интересы небольшой группы. Но, несмотря на весь вред современного милитаризма, вопрос стоял бы далеко не так просто, если бы группа этих рабочих составляла значительную часть нации. Все сказанное а fortiori имеет силу относительно земледелия, – и здесь весь вопрос в фактической конкретной обстановке, не в *что*, а *как*. В первой половине XIX века хлебные пошлины в Англии, не оказывая поддержки земледелию, обогащали лишь за счет всей остальной нации лендлордов, они были вредны. В настоящее время хлебные пошлины в Англии ра-

ди интересов небольшой группы населения легли бы тяжело на всю отпускную промышленность и подвергли бы опасности все народное хозяйство. Напротив, теперешние пошлины в Германии, составляя некоторую поддержку земледелию, не оказывают чувствительного влияния на германскую промышленность, которая продолжает развиваться, поэтому они не могут вызывать того безусловного осуждения, которое они встречают в части немецкой прессы. Но дальнейшее экономическое развитие может и здесь изменить положение вещей коренным образом.

Решающий момент состоит в том, какое количество населения заинтересовано в хлебных пошлинах, какое в свободе торговли. К последней категории, очевидно, относится все неземледельческое население, т. е. около половины всего населения Германской империи, и часть земледельческого, именно покупающая хлеб. Нужно, однако, заметить, что метода прямого подсчета количества лиц, заинтересованных в повышении или понижении цен в данный момент, здесь недостаточно, он не только не решает вопроса, но придает ему неверную постановку: широкая экономическая политика не может ограничиться интересами нынешнего дня, она всегда должна ставить вопрос об условиях дальнейшего развития производительных сил страны и, в частности, земледелия. Вопрос этот относительно крестьянского хозяйства будет изложен в следующем отделе, а здесь коснемся сельскохозяйственных рабочих. Если заинтересованность в по-

вышении цен на сельскохозяйственные продукты у юнкеров, крупного и среднего крестьянства более или менее очевидна, то она отрицается иногда для сельскохозяйственных рабочих. Указывают, что они тоже являются покупателями хлеба и других продуктов земледелия, следовательно, также заинтересованы в низких ценах на эти продукты (поскольку они не получают часть своей заработной платы натурой, в виде так называемого депутата). Но при этом совершенно упускается из виду то обстоятельство, что сельские рабочие суть не только потребители этих продуктов, но и *производители* их, и их потребительная способность определяется их успехами или неудачами как производителей. Другими словами, ясно, что если и при данном состоянии цен дела крупного сельскохозяйственного предпринимателя плохи, то с их понижением они пойдут еще хуже, а вместе с тем ухудшится и положение сельскохозяйственного рабочего, которому грозит или дальнейшее понижение его заработной платы, или *безработица*. Не всякое повышение цен на продукты земледелия или доходности сельскохозяйственного предприятия ведет к повышению платы сельскохозяйственного рабочего, но известное понижение доходности или же падение цены ниже издержек производства сопровождается физической невозможностью платить даже прежнюю плату.

Поэтому в данном пункте интересы промышленных и сельскохозяйственных рабочих противоположны, что не устраняет, конечно, их солидарности в других, весьма суще-

ственных отношениях. Антагонизм этот не только не должен быть затушевываем, но он должен быть понят во всем своем объеме, ибо только при этом условии может быть установлено правильное к нему отношение и создана почва для ясной и сознательной политики.

Припомним, в заключение, основные моменты развития крупного хозяйства в германском земледелии. Крупное производство в земледелии есть здесь самая ранняя форма крупного предприятия вообще, оно существует долгое время, пока в промышленности царит еще всецело мелкое производство. Происхождение его, как это с полной точностью может быть установлено по крайней мере для восточной Пруссии, центра крупного землевладения, связано непосредственно с средневековой историей, и порог между старым и новым временем образует падение крепостного права. Отмена крепостного права совершилась на весьма выгодных для помещиков условиях: они увеличили в результате площадь своего хозяйства, обеспечили себе наемных рабочих, получили в виде выкупа значительный капитал. Если не считать потрясений, нанесенных войнами и кризисом 20-х годов, то время от 20-х до 70-х годов следует признать необыкновенно благоприятным для крупного земледелия. Во-первых, для него был обеспечен непрерывно растущий рынок и высокие цены на сельскохозяйственные продукты. Таким рынком первоначально явилась Англия, относительно которой Пруссия долгое время играет роль сельскохозяйственной колонии

или аграрного округа. С течением времени такой рынок все в большей степени стал создаваться и внутри страны с ростом неземледельческого и городского населения. Капитал, кроме выкупных платежей, доставлялся кредитом. Изобильное предложение дешевого труда сельское хозяйство имело как благодаря созданному освобождением классу безземельных рабочих, так и чрезвычайно быстрому их размножению, толчок к которому дал именно хозяйственный переворот, созданный отменой крепостного права. Аграрное перенаселение, которому не было тогда отлива в другие части страны или в Америку, было к выгоде крупного землевладения; положение же класса сельских рабочих было весьма тягостно. Эта благоприятные для сельского хозяйства условия достигают наибольшего количественного развития в 50-х и 60-х годах, которые являются потому самым счастливым временем для прусского земледелия. Что же касается крестьянских хозяйств, то на востоке Пруссии многие из них, по-видимому, падают жертвой переходной эпохи приспособления к новым хозяйственным условиям и чрезмерной парцелляции вследствие чересчур быстрого населения, и их наследником нередко является растущее крупное хозяйство. С 50-х годов в Германии завязываются узлы новой промышленной жизни. Сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее развивается промышленность (и в особенности крупная промышленность), страна прорезается во всех направлениях железнодорожными путями, Германия вступает на путь

развития промышленного капитализма. Но этот путь оказывается роковым для капитализма земледельческого. Начать с того, что промышленный капитализм создает новые обширные и постоянно растущие сферы труда, оплачиваемого притом выше, чем земледельческий. Исчезает сначала избыток аграрного населения, благодаря которому заработная плата в деревне держалась на жалчайшем уровне, а затем уменьшается и вообще контингент сельскохозяйственных рабочих. Единственным средством удержать их является платить им высокую заработную плату, чего помещик не может или не хочет, а чаще всего то и другое вместе. Рядом с промышленными городами и округами местом отлива сельскохозяйственных рабочих является и Америка, чему возможность создана развитием новейших путей сообщения, стоящим в непосредственной связи с развитием промышленного капитализма и образующим одно из основных условий последнего. Таким образом, промышленный капитализм нанес удар земледельческому, лишив его дешевой рабочей силы. В то же время, благодаря тому же развитию новейших средств сообщения, на рынке появился хлеб из России и Америки, что создало условия для аграрного кризиса, выразившегося в понижении цен на продукты земледелия, а в конце концов и цен на землю или земельной ренты. Это обстоятельство лишило многих из землевладельцев капитала для ведения предприятия, который они почерпали, налагая на свои имения умеренную ипотеку; при росте це-

ны земли она обеспечивала им постоянный источник предпринимательского капитала. Теперь же этот источник иссяк: для слабых капиталом землевладельцев оставалось входить в непосильные долги, что в трудные времена нередко вело к продаже с молотка. Особенно затруднительно было положение тех землевладельцев, которые купили имение с наложением значительного долга и по чрезмерно высокой цене (повышенной еще благодаря царившей до наступления кризиса уверенности в непрерывном росте цен и в будущем). Неудивительно, если ряды крупного землевладения дрогнули, и оно стало уступать свое место (уменьшаясь по местам относительно, а по местам и абсолютно) крестьянскому хозяйству.

Отдел второй. Мелкое производство в земледелии

Глава VI. Условия развития крестьянского хозяйства

1. Условия развития крестьянского хозяйства

1) Общая характеристика капитализма как явления популяционистического.

Всякая организация народного хозяйства предполагает известные *количественные* размеры, определенное количество населения, этой организацией охваченного. Различным ступеням народного хозяйства соответствует и различная плотность населения⁴; это является прямым следствием то-

---

⁴ Шмоллер приводит следующую схематическую таблицу емкости территории относительно населения при разных условиях (по Ратцелю): На кв. милю На кв. км Охотничьи и рыбацкие народы в бедных местностях севера 0,1–0,30,0017–0,0053 Охотничьи народы в степных областях (бушмены, патагонцы, австралийцы) 0,1–0,50,0017–0,0088 Охотничьи народы с присоединением в некотором количестве земледелия (индейцы, дайаки, папуасы, беднейшие негры) 10–400,17–0,70 Рыбацкие народы на берегах, реках, островах (северо-запад Америки, Полинезия) до 100 до 1,77 Кочевые пастушеские племена 40–1000,70–1,77 Земледельцы с некоторыми промыслами и торговлей (внутренняя Африка, малайцы) 100–3001,7–5,3 Северные индогерманские земледельцы и скотоводы до Рожд. Хр. (кельты, германцы) 281–6755–12 Полукошачники с земледелием под тропиками (Кордофан, Беннан) 200–5003,4–8,9 Рыбацкие племена с неко-

го, что население ограничено средствами существования. В то же время население находится в постоянном движении, — смена поколений приносит вечное обновление жизни, вместе с тем растет и число людей. Эти изменения в количестве населения являются необходимым условием смены хозяйственных форм, которая нередко именно этими изменениями и вынуждается. Роль движения населения в ходе экономического развития вообще принадлежит к наименее изученным и выясненным сторонам экономической жизни. Научное изучение истории населения едва начинается. Надлежащее выяснение роли движения населения значительно изменит наше понимание экономических процессов и, быть может, заставит внести этот момент в наши представления и о будущем развитии общества⁵.

торым земледелием под тропиками (острова Тихого океана) до 500 до 8,9 Новые страны с европейским земледелием или климатически неблагоприятные части Европы до 500 8,9 Средне- и южноевропейские страны с трехпольем или т. под. хозяйством с зачатками промышленно-городской культуры, еще значительными лесами (примерно Греция 400–300 до Р. Хр., Италия 300 до 100 по Р. Хр., Средняя Европа 1,200–1,500) 1000–1500 17,7–26,6 Среднеевропейские земледельческие местности с умеренным городским и промышленным развитием в эпоху 1600–1850 1500–2000 26–35 Чисто земледельческие местности южной до Европы до настоящего времени до 4000 до 70 Нынешние смешанные земледельческо-промышленные области средней Европы 4000–6000 70–106 Современные наилучшие земледельческие области Индии, Явы, Китая 10 000 177 Области европейской крупной индустрии, крупные города и торговые центры 15 000 266 Области виноделия, центральные области промышленности и горного дела и т. п. 17–18 000 300–308

⁵ Культурно-историческое значение роста населения выдвинуто в последнее время с особенной силой проф. Ковалевским, который считает возможным объ-

Научному выяснению вопроса о населении чрезвычайно мешала до сих пор партийная страстность, с которой он обсуждался. Вопрос, имеющий, можно сказать, универсально историческое значение, был сужен до вопроса о причинах бедности в современном обществе и мерах борьбы с ней⁶. Вопрос обсуждался по преимуществу в той постановке, которую придал ему Мальтус. Мальтусу принадлежит бессмертная заслуга *общей постановки* вопроса о народонаселении⁷, после которой стало невозможно его игнорировать (мы видели также, насколько прав был Мальтус относительно Англии своего времени). Но он мог дать при тогдашнем

яснить всю историческую эволюцию изменениями в количестве населения. Эта идея может быть благодарна в качестве эвристического принципа, потому что она устремляет внимание на новые и доселе незаконно игнорировавшиеся моменты; но в качестве вывода, формулы, выражающей закономерность процесса, она недостаточна, как ясно для каждого экономиста. В социальном способе производства рост населения есть не только обуславливающее, но и обуславливаемое, рост населения нуждается сам в социально-экономическом объяснении. Формула эта страдает чрезмерной простотой и теоретической незаконченностью.

⁶ Учение о народонаселении разделило судьбы теории ценности, – публицистический элемент, связывавшийся с обоими учениями, одинаково вредил их научному обсуждению. Надо думать, что теперь уже настало время разумного и спокойного отношения к вопросу, когда можно безбоязненно, не зачисляясь тем самым в число врагов рабочего класса, приступить к изучению действительного значения проблемы населения.

⁷ Пишущий эти строки долгое время относился к бессмертному творению Мальтуса и вообще вопросу о народонаселении с точки зрения ортодоксального марксизма, и лишь дальнейшее изучение и размышления убедили его в крайней несправедливости Маркса по отношению к Мальтусу, а также и в крайней недостаточности учения о народонаселении самого Маркса.

состоянии общественной и экономической науки очень мало для выяснения вопроса. Как справедливо замечено было Марксом, формула Мальтуса отличалась чрезмерно абстрактным характером, недопустимым относительно такого исторически изменчивого явления, как движение населения, которое зависит от всей конкретной обстановки, включая сюда и естественные, и социальные, и политические условия⁸. Уже на основании теперешних знаний можно сказать, что формула, будто население вообще стремится превысить средства существования, неверна. История знает эпохи, когда население почему-либо отстает от них: под сильнейшим влиянием такого состояния населения происходило раскрепощение сельского населения Франции и Англии, а также, вероятно, и прикрепление населения к земле.

Но еще менее чем Мальтус, правы те, которые отрицают самую возможность превышения населением средств существования, вместительности данной организации народного хозяйства, емкости территории относительно населения. Обычное возражение в таких случаях, именно, что каждый

---

⁸ Шмоллер замечает: «Очевидно, что процесс уплотнения населения совершается легче всего там, где народ располагает областью, которая еще обработана отчасти и скудно, и имеет более обширные и плодородные области, нежели обрабатываемые. В таком случае значительный прирост населения и внутренняя колонизация при неподвижной технике могут иметь место без изменения нравов и учреждений. Но где дело стоит так, что вся доступная и хорошая земля уже занята, там уплотнение еще затруднительнее. Но еще более оно затруднительно там, где требуется для этого общая перемена техники, усовершенствование всех хозяйственных сил и организации».

вновь появляющийся рот приносит с собой и рабочие руки, может быть устранено тем соображением, что эта ссылка совершенно не считается с общественным характером теперешнего хозяйства. Лишь при существовании свободных даров природы — земли и т. д. — словом, при колониальных условиях, сопровождающихся, как мы увидим ниже, и особым способом размножения, каждый рот, действительно, приносит и новые руки: процесс производства носит здесь еще в значительной степени черты простой оккупации даров природы, общественное хозяйство является более собирательным, коллективным, нежели органическим единством. Но как только вся территория заселена, и хозяйство становится производством, а не оккупацией, то его ведет уже общественный человек, организующий производство с известной планомерностью. При этом является *questio facti*, способна ли данная организация вместить новое количество рук. Отношение между народнохозяйственной организацией и увеличивающимся населением может мыслиться в тройной форме. Первый и простейший случай тот, когда данная организация обладает еще значительной вместимостью, так что происходит количественное ее расширение, не сопровождающееся качественным изменением. Примером такого отношения может служить рост колониального населения, сопровождающийся простым расширением площади, привлекаемой к обработке (пока вся площадь не будет занята); примером этого же может послужить и современ-

ное капиталистическое хозяйство, которое обладает значительной способностью к количественному расширению; на счет этого расширения следует отнести рост населения европейских стран в XIX веке. Отношение между народнохозяйственной организацией и населением может мыслиться и в такой форме, что прирост населения, превышая уже емкость территории относительно населения, стимулирует переход к новым хозяйственным формам, обладающим большей емкостью территории. Такой случай мы рассмотрим ниже, говоря о возникновении капиталистического производства. Заметим, что здесь, образуется временное перенаселение в промежуточную эпоху, пока хозяйство не преобразуется соответственно новым требованиям. Наконец, последний случай отношения между народным хозяйством и населением состоит в том, что прирост населения, обгоняя вместимость данной организации, не вызывает в то же время по каким бы то ни было причинам перехода к высшим хозяйственным формам. Этот случай и может быть квалифицирован как *перенаселение в собственном смысле*.

Понятие перенаселения, конечно, вполне относительно. Его можно определить как такое состояние населения, когда имеется избыток рабочих рук, который не может быть производительно использован данным народным хозяйством. Здесь речь идет, следовательно, не о случайной или временной безработице – возможно, что таковая вытекает из данной хозяйственной организации и является до известной сте-

пени условием ее существования, – но о наличии постоянного избытка рабочих рук (возможно, что этот избыток выражается в существовании определенного класса безработных, но возможно, что избыточность распределяется на все рабочее население и выражается в недостаточной занятости последнего). Состояние перенаселения можно констатировать, таким образом, лишь после сложного учета баланса всего народного хозяйства; чем сложнее народное хозяйство, тем затруднительнее такой учет.

Состояние перенаселения имеет своим последствием нищету, болезни и порок, то, что Мальтус называл «restrictive checks» и что приводит население снова к равновесию. Движение населения в истории совсем не отмечено тем непрерывным и постепенным его ростом, к какому мы привыкли в XIX веке: население движется зигзагами, то взад, то вперед, то находится в застое. Задача уплотнения населения принадлежит к одним из наиболее трудно разрешаемых народнохозяйственных задач⁹.

---

⁹ «Исторически эпохи и народы (имевшие густое население) не очень многочисленны: эпоха греческой, римской и германской внутренней колонизации, эпохи больших, хорошо управлявшихся империй Востока, эпоха эллинизма, расцвет Рима и арабов и, наконец, европейских государств последних столетий» (Schmoller). Невероятным противоречием исторической истине звучит следующее тенденциозное суждение Loria: «Именно благодаря тому, что избыток населения объясняется экономическими факторами, связанными с системой, основанной на наемном труде (systeme du salaire), избыток населения является феноменом существенно историческим (essentiellement historique), неизвестным другим формам социальной экономии. Напрасно вы стали бы искать избыток

Рост культуры выражается в росте потребностей, состояние бедности различно определяется поэтому для разных культур. А потому и состояние перенаселения ощущается в высшей культуре раньше и острее, нежели в низшей, где оно синонимизирует нередко с голодной смертью. Как бы ни понималось, однако, состояние бедности, несомненно, что, при наличности перенаселения, известная часть бедности должна быть отнесена на счет *абсолютной бедности*, бедности производства, а не распределения. В первобытных стадиях культуры, где структура хозяйства проще и яснее, это едва ли может вызывать возражения. Возможность перенаселения в теперешнем народном хозяйстве отрицается обыкновенно ссылкой на неравномерность распределения благ и скопление богатств в немногих руках. Но не следует забывать, что вопрос об отношении населения к емкости территории может быть поставлен только относительно определенной, конкретной исторической обстановки; ссылки на возможные, но не существующие условия здесь не помогают.

Неравномерность распределения и скопление капиталов в руках немногих составляет одну из существенных осо-

---

населения в средние века, в эпоху феодальной системы и цеховой организации ремесла; напротив, в эту эпоху находим постоянный излишек средств существования сравнительно с числом людей, и рабочие, даже нищие живут достаточно (*largement*)» (А. Loria. *Problemes sociaux contemporains*. Paris. 1897, стр. 84–5). Наоборот, можно сказать, что перенаселение, в самом притом буквальном смысле недостатка пищи, встречается тем чаще, чем далее мы отходим в глубь истории. Лория употребляет здесь обычный агитационный прием закрашиванья в черный цвет настоящего и в розовый прошлого.

бенностей теперешнего капиталистического строя, имеющего определенную емкость территории относительно населения. Устраните факт частного капиталовладения, вы измените тем самым в корне теперешнюю народнохозяйственную организацию, и вновь возникшая организация будет иметь иную, может быть, большую, а, может быть, и меньшую емкость территории. Но в пределах капиталистического хозяйства известную часть населения можно при наличии известных признаков квалифицировать как избыточную: об этом можно судить хотя бы по тому, что народное хозяйство, теряя эту часть населения в виде эмиграции, – а мы знаем уже, как колоссальна была в XIX веке европейская эмиграция, – ничего, кроме облегчения, не испытывает. Между тем в других случаях, теряя даже небольшую часть населения (напр., эмигрирующих сельскохозяйственных рабочих), оно чувствует это весьма болезненно. Огромные цифры европейской эмиграции в XIX веке красноречиво свидетельствуют, что, не взирая на рост емкости территории, европейское население систематически превышало возможные границы прироста населения.

Многим изложенные идеи покажутся отчуждающими, отчасти благодаря разным посторонним ассоциациям, с ними связанным. Тем не менее отрицать возможность перенаселения вообще (в вышеразъясненном смысле) нельзя уже по следующим соображениям. Если развитие социально-экономических отношений представляется процессом стихий-

ным, от индивидуальной воли не зависящим, но ее собой определяющим, то такой же стихийной силой представляется человеческое размножение. Деторождение – акт индивидуальный, имеющий место в пределах данной семьи; население же есть социальное, собирательное понятие; каждая семья не знает о рождаемости во всех других семьях, население есть совокупный результат рождаемости различных семей. Хотя между формой хозяйства и размножением и существует известная зависимость, но эта зависимость чувствуется не столько в положительной, сколько отрицательной форме, как препятствие, когда население переступает известные границы и появляется уже перенаселение. В отношении между населением и формой хозяйства (Мальтус неудачно выражался в таких случаях: населением и *средствами существования*) выражается совокупное действие двух стихий: стихийной силы социальных отношений и не менее стихийной силы размножения, сил голода и любви. Согласно действию обеих этих стихий мы можем предположить только как случайное исключение; общим правилом является их несовпадение. Противное можно думать только с принятием учения о предустановленной гармонии, теологического оптимизма, долгое время царившего, да и до сих пор не умершего в воззрениях на перенаселение.

В пояснение должен добавить здесь, что сказанное относительно перенаселения вообще не нужно понимать в смысле *социальной* теории (как обычно понимается учение Маль-

туса). Для нас это только *экономическая* теория, понятие перенаселения является лишним средством для более точной постановки экономического диагноза. Зло, проистекающее из перенаселения, является на известной ступени общественного развития столь же стихийным и фатальным, как и зло, проистекающее из социально-экономического состояния. Ожидать и желать сознательного приспособления населения к средствам существования от бедного, дикого и невежественного населения есть не меньший утопизм, чем требовать от патагонцев или бушменов, положим, машинного производства. Это было бы не только бессмысленное, но и бессодержательное требование, потому что пока социально-экономическая организация представляет собой стихию, не доступную человеческому контролю, к ней невозможно разумное приспособление. Стихия размножения может быть регулируема только тогда, когда больше сознательного контроля будет приложено относительно ведения социального хозяйства. Разрешение одной проблемы немислимо без разрешения другой.

Но в приспособлении размножения к форме хозяйства мы видим во всяком случае особую проблему, которую предстоит разрешить будущему человечеству. До тех пор, пока человечество не овладеет стихийной силой размножения, бедность не может быть окончательно искоренена, опасность перенаселения будет всегда у дверей. Мне видится в будущем то состояние, когда люди будут сознательно приспособлять

рождаемость к хозяйственным условиям. Этого можно ожидать, конечно, не от нравственного воздержания, которое с лицемерной жестокостью рекомендуется иными сторонниками Мальтуса. Можно думать, наоборот, что радости семейной жизни станут доступны большему числу людей, чем теперь, когда они составляют привилегию меньшинства. Помощи надо ждать от науки, от выработки ее методов регулирования населения.

Конечно, и в нравах должны произойти значительные изменения, лицемерие и предрассудки должны уступить место более честному, строгому и, осмелюсь добавить, нравственному отношению к вопросу. Люди, имеющие чрезмерно большое потомство, в особенности одержимые наследственными болезнями, будут, по известному выражению Дж. Ст. Милля, рассматриваться как пьяницы или преданные каким-либо другим излишествам.

В той постановке, в какой вопрос этот имеет значение и для настоящего, мы изучим его ниже. А так, всякая организация народного хозяйства представляет собою определенную фазу в развитии народонаселения, его плотности, состава и т. д. Современная, так называемая капиталистическая организация, рассматриваемая со стороны населения, также представляет совершенно своеобразное явление. Если европейская культура достигла необычайных, небывалых результатов в области развития производительности труда и создания народного богатства, то еще более удивительными пред-

ставляются достигнутые ею результаты касательно повышения емкости территории относительно населения, уплотнения последнего. Европейская культура достигла в этом отношении невиданных и неслыханных результатов¹⁰. Разумеется, оба эти явления, – материальный прогресс и густота населения, находятся в связи между собою, это две стороны одного и того же явления. Но густота населения образует самостоятельную и великую силу цивилизации. Она увеличивает человеческий материал, который является субстратом культуры, она увеличивает, следовательно, возможность появления более многочисленных и более разнообразных талантов всякого рода, несущих свою лепту в духовную сокровищницу человечества: национальная литература, искусства, наука в том развитии, в каком мы сейчас их имеем, находятся в несомненной связи с этой обширностью человеческого материала. Далее густота населения развивает и усиливает общественность, создает более ощутительное психическое трение людей друг о друга, обогащает жизнь и повышает ее пульс; быть может, и в этом лежит причина общепризнанной нервности жизни XIX века в сравнении со всеми предыдущими. Города и городская жизнь являются кульминационными пунктами этого уплотнения населения, где взаимное трение

---

¹⁰ Вот для пояснения поучительное сопоставление. Плотность населения на квадратный километр: Франция Германия Англия и Уэльс Во времена Цезаря 7,6 Около Рожд. Хр. 5–6 Около Рожд. Хр. 5–6 1328157417001800189540274250711300162017001800189517–202526–2840–459211001450–16001700180018918173358192

людей достигает наибольших размеров, и культурный контраст деревни городу создается прежде всего именно различием в количестве населения.

Заслуги капитализма в области развития производительности труда общепризнаны; историческая роль капитализма в этом отношении, быть может, с наибольшим ударением была отмечена Марксом. Но гораздо менее оцененной и понятой осталась другая, не меньшая заслуга капитализма: создаваемая им ёмкость территории относительно населения.

Для капитализма в особенности характерно соединение повышения материального благосостояния с повышением плотности населения: здесь увеличивается не голодное и лишенное всяких потребностей население, но население с потребностями, непрерывно повышающимися. Этим европейский рост населения и его плотность отличается от тех случаев уплотнения населения, когда оно обязано исключительно благоприятным климатическим условиям и связанным с ними *minimum*'ом потребностей, который остается неизменным или понижается, но не повышается.

Уплотнение населения, характеризующее теперешнюю цивилизацию, связано с совершенно определенными изменениями в народнохозяйственной организации, именно с развитием товарного хозяйства, приведшим к отделению промышленности от земледелия, связано с развитием индустриализма. Именно индустриализму, развитию обрабатывающей промышленности (как мы знаем, в капиталистиче-

ской ее форме) суждено было блистательное разрешение задачи уплотнения населения западной Европы.

И индустриализм разрешил эту задачу совершенно своеобразным способом, кладущим печать на всю историю XIX века. Уплотнение населения достигнуто путем не более или менее равномерного повышения ёмкости всей территории, а чрезвычайно неравномерных скоплений населения в ограниченных пунктах, *городах*, или промышленных центрах, между тем как целые огромные территории повышали свое население слабо, под конец даже совсем его теряли. Хотя поднялась ёмкость территории относительно населения и в земледельческих округах, однако это поднятие не было ни настолько всеобщим, ни настолько значительным, чтобы ослабить справедливость общего положения, что уплотнение населения совершилось в XIX веке за счет развития городов и промышленных центров, и распределение населения в наше время носит существенно новый характер отличаясь большей неравномерностью нежели в какую бы то ни было предшествующую эпоху.

Великие перемены в хозяйственной жизни народов делаются под давлением жестокой необходимости, а не свободного выбора. Деревенское население, находившее достаточное удовлетворение своих потребностей в деревне, конечно, не пошло бы за неверным заработком в новые места или города, возможность возникновения капиталистической промышленности была бы тем самым исключена. Необходимо,

чтобы его погнала нужда или насилие, нужда от перенаселения, насилие от землевладельцев, но во всяком случае необходимо, чтобы было в наличии население, которое не может уже существовать в деревне.

Необходимость свободных рук, как условие развития капитализма, была выяснена Марксом. Но Маркс, бравший все вопросы истории капитализма в английской их постановке, и здесь придал чрезмерное значение индивидуальным условиям английской истории настолько, что не выделил общей необходимости, скрывавшейся в этой особенной исторической форме. и действительно, если иметь в виду только английскую историю, то легко прийти к выводу, что происхождение капитализма стоит исключительно в связи с рядом насилий и экспроприацией¹¹. Но если сопоставить ряд различных условий возникновения капитализма, то становится ясным, что капитализм является неизбежным как средство дальнейшего уплотнения населения, что экспроприация является здесь или случайным совпадением, или же лишь ускоряет естественный ход событий, который привел бы, однако, к тому же исходу. Отправным пунктом развития капитализма является во всяком случае перенаселение, все равно естественное или же искусственное, усиленное экспроприацией, является поэтому неизбежно нищета и бедность, кото-

---

¹¹ Англия не только не является типической страной, но составляет скорее исключение или во всяком случае не более типична, чем всякая другая страна. Развитие капитализма возможно и без помощи экспроприации просто на развалинах натурального хозяйства, оказавшегося несостоятельным ввиду роста населения.

рые могут быть уврачеваны только капитализмом¹². Поэтому, между прочим, те бедствия, которыми обыкновенно бывают ознаменованы первые шаги капитализма, столько же относятся на счет этого капитализма, еще не успевшего развить своих положительных сил, сколько на счет докапиталистического перенаселения, нищеты не вновь созданной, а полученной по наследству.

Вместе с тем отсюда следует, что первоначальное предкапиталистическое перенаселение, с сопровождающими его горем, нуждой и бедствиями, было необходимым условием создания теперешней цивилизации, ценой прогресса: *перенаселение это было экономически прогрессивным*, как необходимое условие перехода к высшей форме производства.

Перенаселение является условием не только происхождения капиталистического производства, но и начального его развития, до полного расцвета. Первые шаги развития капитализма, естественно, еще робки и неуверенны; должен быть готовый контингент рабочей силы для того, чтобы мог затрачиваться капитал. Первые стадии развития капиталистического производства характеризуются, кроме того, широким *экстенсивным* его развитием, созданием многочисленных отраслей производства, которые только впервые формируют свои рабочие кадры. Позднее, когда каждая отрасль

---

¹² Для России это было указано П. Б. Струве, замечания которого относительно первоначального предкапиталистического перенаселения вообще отличаются большой проницательностью. См.: Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб. 1894.

промышленности имеет уже собственный контингент рабочих и развитие принимает не столько экстенсивный, сколько *интенсивный* характер, причем основание новых отраслей производства уступает место постепенному расширению уже существующих, промышленность не нуждается в столь обильном предложении рабочих; кроме того, теперь окрепшая промышленность может сама *привлекать* их, между тем как раньше их гнала нужда.

Состояние перенаселения, предшествующее капитализму, сливается с тем перенаселением, которое сопровождает первые стадии уже развивающегося капитализма; в сущности последнее есть непосредственное продолжение первоначального перенаселения, почему мы и не различили оба эти состояния в терминологии, безразлично назвав их оба *предкапиталистическим* перенаселением

Резервуар избыточного населения помещается в деревне. Наличие более или менее обширного аграрного перенаселения почти всегда свидетельствует о существовании общего перенаселения в стране. Мы знаем уже, что с этим перенаселением связаны судьбы крупного хозяйства в земледелии. Волна перенаселения в момент своего высшего подъема возносит за собой ладью крупного хозяйства, но, опускаясь сама, она влечет вниз и это последнее.

Присутствие перенаселения настолько существенно для положения не только деревенского, но и всего рабочего населения, что в истории развития капитализма вообще мож-

но различать эти две стадии: эпоху предкапиталистического перенаселения и эпоху его отсутствия. Избыток предложения рабочей силы над спросом не может не отражаться на положении рабочих во всех отраслях промышленности. Он создает состояние необеспеченности, усиливает зависимость рабочего от предпринимателя; это не может оставаться без влияния даже на положение «обученного труда», которое все-таки зависит, до известной степени, и от общего положения рабочих. Прилив новых рабочих сил из деревни с низшими потребностями и без тех социальных навыков, которые развиваются уже у городских рабочих, ослабляет способность к сопротивлению у этих последних. Длинный рабочий день и низкая заработная плата, – вообще *экономия низкой заработной платы* (производство абсолютной прибавочной ценности, по терминологии Маркса) характеризуют этот период развития капитализма. Эта же эпоха, осложненная еще техническими переворотами, дала основу для создания Verelendungstheorie (теории обнищания), согласно которой развитие капитализма сопровождается ростом нищеты, ибо контингент капиталистической эксплуатации в эту эпоху быстро увеличивается, формы же эксплуатации при данных условиях могут изменяться только в худшую сторону. Так как в эту эпоху перенаселение и нищета являются необходимым условием возможности развития капитализма и роста народного богатства на его основе, то для нее справедливо, что рост народного богатства и народного благососто-

нения антагонистичны между собою. Все эти положения старой политической экономии имеют, таким образом, относительную справедливость, но приложимы только к определенному фазису капиталистического развития. Человек ценится дешево в эту тяжелую эпоху, и еще дешевле ценится человеческая личность.

По мере того как излишнее население мало по малу расасывается в народнохозяйственном организме, положение рабочего получает возможность изменяться к лучшему; нет, по крайней мере, одного из самых серьезных препятствий к этому улучшению. Наступает период экономики высокой заработной платы, потому что качество труда теперь не может уже так легко заменяться количеством. Человек дорожает как в городе, так и деревне, и от этого выигрывает его гражданская и человеческая личность. К этому периоду относятся успешное развитие рабочих организаций всякого рода, и политических, и хозяйственных, и профессиональных, поднятие заработной платы, сокращение рабочего дня и т. д. Одним из наиболее выигрывающих при этом (относительно) оказывается сельскохозяйственный рабочий. Характеризуемая эпоха представляет собою полный расцвет капитализма. К сказанному нужно сделать два пояснения. Предкапиталистическое перенаселение коренным образом отличается от того относительного перенаселения, которое свойственно капитализму, как таковому. Предкапиталистическое перенаселение есть наследие предшествовавшей эпохи, зада-

ча, которую прошлое оставляет будущему и которую капитализм разрешает постепенным повышением ёмкости территории. Но кроме этого состояния общего перенаселения, есть и специальные формы перенаселения, точнее безработицы, порождаемые специфическими особенностями капиталистической организации производства.

Теория относительного перенаселения связывается обычно с именем Маркса. Однако заслуга Маркса состоит больше всего лишь в формулировании общего принципа относительного перенаселения, его же собственное учение о форме этого перенаселения недостаточно, а отчасти неверно и неудовлетворительно¹³. Лишь учение о «текущем перенаселении» может быть удержано для современной науки, да и то в качестве общего принципа, весьма нуждающегося в детализации. Категория «скрытого» или деревенского перенаселения, во-первых, приспособлена к специально английским условиям, а во-вторых, стоит в связи с воззрениями Маркса на капиталистическое развитие земледелия, которые считаются правильными ни в каком случае не могут. Излишне и добавлять, что представление о предкапиталистическом перенаселении было совершенно чуждо Марксу.

Итак, категории предкапиталистического (или абсолют-

---

¹³ Для Маркса теория перенаселения была прежде всего теорией бедности, социальной теорией, которую он в сознательном антагонизме Мальтусу хотел вплести в общую ткань своего социалистического мировоззрения. Поэтому значение народонаселения (и перенаселения), как могучего фактора социального развития, а вместе и как социологической проблемы осталось ему совершенно чуждо.

ного) и капиталистического (или относительного) перенаселения принципиально различаются между собою и мыслятся совершенно независимо друг от друга. Бедность и безработица остается, конечно, одна и та же, является ли она результатом в одном случае абсолютного, в другом относительного перенаселения; но для понимания причин этой бедности и всего народнохозяйственного состояния это различие очень существенно, обе категории играют роль весьма важных диагностических средств.

Приток населения из деревни в город продолжается во всю эпоху предкапиталистического перенаселения. Но он не прекращается и после исчезновения последнего, постоянное движение деревенского населения в города есть нормальное условие развития капитализма. Эта необходимость вытекает из двух причин. Во-первых, развивающееся капиталистическое производство требует увеличивающегося населения. Между тем собственный, городской прирост населения, если и существует, то слаб и может оказаться недостаточным и отстающим от темпа хозяйственного развития. Во-вторых, условия городской и промышленной жизни, несмотря на все усилия санитарии, оказываются настолько антигигиеничны, что естественный прирост городского населения оказывается весьма замедленным, а средняя жизнь до сих пор менее продолжительна, чем в деревне (последнее установлено исследованиями Баллода). Ганзен высказал мнение, которое пытался утвердить разбором данных статистики населения

города Мюнхена, что городское население, предоставленное само себе, вымерло бы, так как смертность здесь превышает рождаемость. Мнение это подвергается весьма сильной критике и едва ли окажется правильным после проверки в полном объеме, но весьма вероятно, что относительно многих городов, а еще более относительно рабочих классов населения и в особенности отдельных отраслей производства она окажется правительна. Во всяком случае можно сказать, что в теперешнем обществе деревня является источником населения, и «Zug nach der Stadt» составляет условие нашей цивилизации. В этом заключается важнейшая экономическая функция современной деревни, совершенно необходимая и незаменимая: можно упразднить значение деревни как места земледельческого производства, усилив привоз земледельческих продуктов из-за границы, но значение деревни как источника населения и национальной силы упразднить нельзя.

Таким образом, деревня постоянно высачивает из себя избыток населения, который устремляется в города. В эпоху общего перенаселения, когда «тяга в город» бывает особенно сильна, он берется из общего резервуара избыточного населения. В позднейшую эпоху эмиграция в город затрагивает иногда не только резервную, а уже действительную армию земледелия в том случае, если земледелие ведется наемным трудом и население не связано с землей: это мы наблюдаем повсеместно в теперешнюю эпоху аграрного кризиса.

Итак, обе специальные формы капиталистического перенаселения – и городское, и деревенское – вытекают из специфических особенностей капиталистического хозяйства, они отличаются поэтому от первоначального перенаселения, которое знаменует исторический перелом, изменение хозяйственных форм, и ставит капиталистическому хозяйству общую проблему уплотнения населения. Первые формы перенаселения в известном смысле неразрывно связаны с капиталистическим производством, последняя же должна быть устранена его полным развитием.

Как мы уже знаем, то уплотнение населения, которое достигается капитализмом, обязано по преимуществу индустриализму, – развитию торговли и промышленности. Земледелие принимает здесь участие только сначала, а затем развитие индустриализма и связанное с ним уплотнение населения совершается *на его счет*. Задачу уплотнения населения, которая сводится, конечно, к задаче производства необходимых средств существования на данной территории для большего населения, капитализм разрешает поэтому не вполне и не прямо. Он не разрешает, а лишь *обходит* ее относительно земледелия, уклоняясь от тяжелого ига закона убывающего плодородия почвы.

Уплотнение населения в капиталистическом производстве совершается в значительной степени за чужой счет; если есть страны промышленные с густым населением, то должны быть и страны земледельческие, с редким населением. Плот-

ность населения капиталистического хозяйства в известном смысле паразитарная, чужая.

2. Емкость территории относительно земледельческого населения

Принцип народонаселения, точнее учет о емкости территории относительно земледельческого населения, представляется необычайно важным для понимания конкретного хода развития земледелия; вместе с законом убывающего плодородия почвы он должен быть поставлен в самом центре теории аграрного развития, между тем до сих пор его универсальное значение в экономике земледелия было выяснено еще менее, нежели значение закона убывающего плодородия почвы.

Земля может прокормить тем больше ртов, чем она плодороднее, чем благоприятнее климатические условия и чем выше развитие сельскохозяйственной техники. Что касается этой последней, то пределы ее развития при натуральном хозяйстве, как показывает история земледелия, чрезвычайно узки. Техника эта оставалась в общем неизменна иногда в течение тысячелетия. Рост производства обязан был, главным образом, росту населения, т. е. рабочих рук. Однако понятно, что способность земли производительно всасывать в себя растущее количество труда находится в зависимости от общего состояния земледельческой техники. Производительность земли не может быть безгранично увеличиваема

растущими затратами одного только труда; хотя труд и может замещать собой другие факторы производства, но только до известной степени. Труд, затрачиваемый свыше технически разумных пределов, столь же непроизводителен (если только не вреден) как труд черпанья бочки Данаид. Таким образом, хотя справедливо, что новый рот приносит и новые руки, однако, мы еще раз убеждаемся, что не всякие новые руки могут быть употреблены с пользой и способны, следовательно, прокормить своего владельца. Если население переходит те границы, которые определяет вся сумма технических и естественных условий, образуется вынужденная безработица, с одной стороны (пусть не думают поэтому, что безработица есть явление новое, принадлежащее только капиталистическому строю), причем эта безработица может выразиться в недостаточной занятости всего населения или же полной праздности отдельных работоспособных лиц, и недоеданье, с другой.

Натурально-хозяйственная бедность, отсутствие запасов приводят к тому, что всякий более или менее значительный недород или неурожай, составляющий самое обычное явление при полной зависимости примитивного земледелия от случайностей стихий, выражается голодовкой. Этими голодовками полна вся история средних веков до начала XIX века. Благодаря голодовке, вымирает часть населения, и последнее снова приводится в соответствие с «средствами существования», т. е. с средствами производства (как должен

был бы правильнее выразиться Мальтус), с земледельческой территорией. Такое же значение имеют войны и опустошительные эпидемии, столь обычные в средние века; эпохи после войны отмечаются особенным благосостоянием трудящихся классов.

Итак, перенаселение, вымирание лишнего населения от голодовок, войн и эпидемий, за которым следует приведение населения в соответствие ёмкости территории, далее опять перенаселение и т. д., – такова нехитрая, но ужасающая в своей простоте логика натурального крестьянского хозяйства в течение длинного ряда веков.

Приспособление населения к средствам производства, борьба за существование носит, таким образом, на первых стадиях культуры крайне простой, почти зоологический характер; оно напоминает размножение животных, где природа достигает сохранения вида, не щадя его отдельных экземпляров, и даже больше того, где погибель многочисленных экземпляров является условием благополучия вида, т. е. уцелевших.

Чистое натуральное хозяйство – большая редкость даже в глубине истории; обыкновенно оно не свободно от некоторой, хотя бы и слабой связи с рынком, причем продавцом (большей частью в целях уплаты государственных податей) мужик становится значительно раньше, чем покупателем, т. е. потребителем продуктов неземледельческого хозяйства. Путь этот от мужика-продавца до мужика-продавца

и вместе с тем покупателя исторически довольно длинен (в этом переходном состоянии находится сейчас значительное большинство русского крестьянства и немалая часть западноевропейского).

Рассматриваемое со стороны емкости территории или отношения между населением и средствами существования меновое хозяйство отличается от натурального тем, что, тогда как в натуральном *весь* (или почти *весь*) земледельческий продукт составляет пищу земледельческого населения, в меновом на потребление этого населения остается только *часть* продукта, другая же его часть – большая или меньшая – продается, следовательно, отвлекается от собственного потребления земледельческого населения. Казалось бы, что переход к меновому хозяйству должен понижать емкость территории относительно населения. Но внешняя видимость не дает верного представления о действительной связи явлений. *Переход от натурального хозяйства к меновому повышает емкость земледельческой территории.* Несмотря на вычет, который делается благодаря отчуждению на рынке части земледельческих продуктов, *фонд натурального потребления также повышается.* Ошибочно думают те, которые считают, что доля натурального потребления земледельцев не зависит от рынка и, следовательно, цен. Правда, здесь нет *непосредственной* зависимости от цен, как она существует относительно отчуждаемой доли продукта; но остается *косвенная* зависимость, именно зависимость от *общего*

состояния земледелия, для которого имеет первостепенное значение рынок и, в частности, движение цен на сельскохозяйственные продукты.

Это общее состояние земледелия испытывает серьезные перемены благодаря переходу от натурального хозяйства к меновому, именно происходит повышение производительности земледелия, составляющее единственный разумный *raison d'être* этого перехода. Нетрудно понять причины такого влияния перехода к меновому хозяйству. Обмен приводит натуральное земледелие в связь с промышленностью, и промышленность оплодотворяет земледелие, изменяя его методы производства, его технику. Она делает это, как мы уже знаем, разными способами: она дает новые рабочие орудия, новые удобрения, в то же время наука вырабатывает наиболее целесообразные комбинации различных факторов производства. Как эквивалент покупаемых на рынке средств производства, земледелец отдает часть своего продукта, но вместе увеличивает и производство для собственного потребления. Особенное значение имеет здесь то обстоятельство, что новые методы и средства производства дают более *обширное поле производительного приложения земледельческого труда*, расширяют прежние его границы. Это расширение создает возможность существования большего количества населения на прежней территории.

Определение емкости территории относительно земледельческого населения при меновом хозяйстве не так про-

сто, как при натуральном. Оно требует сложного учета влияния нескольких различных моментов. Крестьянин представляется теперь уже двуликим Янусом, одной стороной принадлежа натуральному хозяйству, а другой являясь продавцом своего труда, напоминая наемного рабочего. Перечислим в отдельности основные моменты, обуславливающие различную емкость территории относительно населения.

1) При прочих равных условиях, емкость территории тем выше чем ниже относительная доля земледельческого продукта, отчуждаемая на рынке. Тем выше будет, очевидно, фонд натурального потребления и тем больше людей может прокормиться с данной территории. Однако количество их зависит и от уровней потребностей в питании: прокормление впроголодь дурного качества хлебом позволяет существовать на данной площади большему количеству людей, нежели более удовлетворительное питание. Что касается доли отчуждаемого продукта, то ее размер определяется рыночными потребностями крестьянина. Здесь можно различить две категории отчуждения: добровольные и вынужденные. К числу последних относятся прежде всего отчуждения для уплаты налогов, которые могут быть так высоки, что сокращают даже народное потребление. В отличие от податей, которые для земледелия непосредственно составляют прямой минус, вторая категория вынужденных продаж происходит из собственных потребностей земледелия, именно в средствах земледельческого производства. Естествен-

но, что эта категория растет вместе с развитием земледелия, а вместе растет и то количество земледельческого продукта, которое эквивалентно покупаемым средствам производства. На известном уровне развития земледелия, соответствующем достигнутой плотности населения, затрата известного количества «капитала» является технической и экономической необходимостью для земледельца. Однако в силу той особенности земледелия, что здесь, до известной степени, трудом может быть заменен капитал, система земледелия более работоемкая дает больший простор населению, нежели более капиталоемкая система. Не нужно, впрочем, забывать, что границы этих колебаний в данном случае очень узки, – в крестьянском хозяйстве работоемкость обычно и без того доведена до последних пределов, так что сколько-нибудь значительное сокращение капитала означало бы уже технический регресс, за которым следует понижение общей емкости территории относительно земледельческого населения. Вторая категория отчуждений земледельческого продукта – добровольные – определяется, очевидно, потребностями крестьянина в продуктах промышленности, его культурным уровнем. Чем выше этот последний, чем больше потребностей является у крестьянина и тем больше он должен тратить для удовлетворения этих потребностей. Мы знаем уже, что этот культурный уровень – *standart of life* крестьянина – является одним из условий, определяющих цену крестьянского хлеба. Но насколько раз-

личия в уровне потребностей не уловляются в ценах, очевидно, они выражаются в необходимости отчуждать то большее, то меньшее количество хлеба для удовлетворения потребностей. Через это, конечно, понижается емкость территории относительно населения.

2) При прочих равных условиях, емкость территории относительно населения тем выше, чем выше уровень цен на сельскохозяйственные продукты. В таком случае доля продукта, отчуждаемого на рынке, соразмерно уменьшается, а следовательно, увеличивается фонд натурального потребления. Однако повышение цен может и не сопровождаться уплотнением населения, – это повышение может пойти на развитие новых потребностей, поднятие культурного уровня сельскохозяйственного населения.

Однако только в целях упрощения можно представлять столь механически связь между уровнем цен и хозяйством. На самом же деле, как мы уже знаем, уровень цен отражается на всем состоянии хозяйства, даже на фонде натурального потребления крестьянина. Понижение цен, если оно не сопровождается удешевлением элементов сельскохозяйственного капитала ведет к общему понижению всего хозяйства, тогда как повышение – к общему его поднятию.

В зависимости от различий всего народного хозяйства, естественных условий земледелия, уровня потребностей сельскохозяйственного населения, наконец, уровня сельскохозяйственной техники емкость территории относительно насе-

ления необыкновенно различествует в различных местах и в различные исторические эпохи, так что попытка определить нормальные размеры земельных участков представляется совершенно неосуществимой. Вот, для иллюстрации, несколько сравнений из жизни теперешней Германии. В Баденском Пфальце достаточно уже 3—4 моргенов для прокормления семейства в 5 душ, тогда как в Шварцвальде минимум для прокормления составляют 35 моргенов. Еще больше различия в Баварском Пфальце, где на расстоянии 5,5 кв. миль, в зависимости от того, находится ли данный участок в горах, холмах или равнине, среднее количество земли, нужное для прокормления семейства, будет 4,20 или 60 моргенов. В Рейнской равнине у Кельна, Бонна, Дюссельдорфа выручки двух кельнских (= 2,5 прусских) моргенов¹⁴ овощей достаточно для прокормления семьи в 5 человек. В Бадене считают крупными имениями уже такие, которые в Померании едва ли годятся для мелких крестьян. В королевстве Саксонии (Oberlausitz) продажа хлеба начинается уже с 0,5 гектара. В Бадене при 2,6 гектаров продают хлеба за удовлетворением собственных потребностей в количестве 11,5 %.

Изложенное дает ключ к пониманию весьма важного вопроса, именно, о влиянии на крестьянское хозяйство, оказанном современным аграрным кризисом, который вызван падением цен на сельскохозяйственные продукты. Здесь

---

¹⁴ Морген (прусский) = 25,5 аров, около 1/4 гектара.

прежде всего нужно особо выделить влияние внезапности этого падения, исключаящей возможность постепенно к нему приспособиться. Внезапное и крутое падение цен может причинить такое потрясение крестьянскому хозяйству, в особенности наименее устойчивым его представителям, что оно теряет всякую жизнеспособность. Таким падением отмечено в особенности начало 80-х годов (когда в Германии выражалась тревога о возможности гибели крестьянского хозяйства) и 90-х годов. В Англии это потрясение было так велико, что совершенно уничтожило слабые зародыши крестьянского хозяйства (впрочем, вместе с действием задолженности). Внезапное падение цен тяжело отзывается на все формы производства, но крестьянское, как наиболее слабое капиталом, естественно, менее устойчиво, чем крупное (что нимало не затрагивает вопроса об его общей жизнеспособности). Но не считая влияния внезапности падения цен, мы должны сказать, что главное влияние аграрного кризиса для крестьянского хозяйства выражается в изменении емкости территории относительно населения. Понижение цен понижает емкость территории относительно населения. Но этому противодействует несколько встречных причин. Прежде всего, здесь следует отметить прогресс агрономии, улучшение, а вместе и удешевление средств земледельческого производства. Производительность земледелия поэтому растет, а потому и фонд натурального потребления не уменьшается, а скорее также возрастает. Вместе с тем удешевление про-

дуктов промышленности позволяет удовлетворение потребностей в них более дешевым способом; однако, культурный уровень крестьянства повышается, что парализует до известной степени влияние этого удешевления. Окончательный баланс всех этих встречных и противоречивых тенденций таков. Крестьянское население остается неподвижно и даже уменьшается, предпочитая увеличению населения увеличение своих потребностей, поднятие своего культурного уровня. То слабое увеличение числа крестьян, которое обнаруживает статистика, указывает не на рост емкости территории относительно земледельческого населения, но на укрепление крестьянского хозяйства и на расширение его за счет других форм хозяйства. Таким образом, в медленном приросте крестьянского населения нужно видеть, между прочим, влияние и современного аграрного кризиса.

Аграрный кризис для крестьянского хозяйства состоит, главным образом, в *изменении емкости земледельческой территории*, его значение и здесь, следовательно, отличается от того, какое он имеет в крупном хозяйстве.

Первый и совершенно очевидный результат перенаселения – это недостаточность существующей земельной площади для прокормления данного населения или *малоземелье*. С этим злом связано много неблагоприятных последствий. Вследствие чрезмерной парцелляции земли, недостаточной для существования, здесь развивается стремление во что бы то ни стало прикупить или приарендовать клочок земли, на-

стоящий голод на землю. Спрос на землю, поэтому, страшно растет и необходимо превышает предложение. Поэтому развиваются непомерно высокие цены на землю и непомерно высокие, голодные, аренды. Это поднятие цен на землю или аренд ведет к задолженности, к зависимости беднейшей части населения от спекулянтов на народную бедность. При этом развивается с особенной силой паразитизм, который, не имея никакого отношения к производственному процессу, эксплуатирует обнищавшее крестьянство: таковы земельные спекулянты, покупающие в таких перенаселенных местах землю с целью ее перепродажи за возвышенную цену или сдачи в аренду за высокую плату, далее посредники при сдаче земли, кулаки, ростовщики, – все это паразиты, которые заводятся в ткани больного организма, как черви, но которым нет места в здоровом организме. Дело ясное, что улучшить положение вещей в такой перенаселенной деревне можно одним только способом: разрежением населения, эмиграцией. Пока избыточное население остается в деревне, зло непоправимо.

Особый случай аграрного перенаселения мы имеем тогда, когда недостаток средств существования, а вместе отсутствие возможности сполна приложить свою рабочую силу устремляет население не к расширению земельной территории, а к внеземледельческим заработкам, именно к домашней промышленности. Возникновение и существование домашней промышленности в деревне необходимо обусловле-

но в большинстве случаев малоземельем, невозможностью прокормиться земледелием или в силу низкого качества почвы или чересчур густого населения. В соединении домашней промышленности и земледелия мы имеем особый вид аграрного перенаселения, который можно было бы назвать его *скрытой* формой: перенаселение существует, но оно выражается не выделением избыточной части населения в город, а тем, что все жители заняты в земледелии в недостаточной степени и должны, сверх того, заниматься промышленностью. Эта скрытая форма тотчас же переходит в явную, как только данная отрасль промышленности вырывается у населения, положим, конкуренцией фабрики.

Следует, наконец, отметить, как особый случай аграрного перенаселения, тот, когда избыточное население не оставляет деревни, но систематически практикует отход, как земледельческий, так и промышленный. Последний распространен наиболее в России, где не порвавшаяся окончательно связь с землей отличает таких промысловых рабочих от настоящих пролетариев: их положение промежуточное, так как они соединяют в себе и мужика и пролетария. Земледельческий отход составляет не только русское явление (где он распространен в огромном количестве), но встречается и в западной Европе: мы уже знаем, что Ирландия посылает отхожих рабочих в Англию, восток Пруссии посылает рабочих в Саксонию и другие местности сахарной культуры, а сам принимает рабочих из русской Польши и Австрии и т. д.

Вернемся к перенаселению. Вторым моментом, вызывающим это последнее, является внешний толчок, которым служит изменение в общественном положении населения; нам известно, что такую роль сыграло падение крепостного права. Радикальное изменение экономического и социального положения населения совпало здесь с предоставлением этому населению права свободного размножения, которого оно было лишено века. С одной стороны, создавалось совершенно новое народнохозяйственное здание, емкость которого можно было опробовать, лишь его предварительно переполнив; а с другой стороны, освобождалось долго сдерживаемое стремление к размножению, которое на первых порах должно было выразиться с особою силой.

Ко всему этому нужно еще добавить частичную экспроприацию населения, которую сопровождалось падение крепостного права, а также отделение промыслов от земледелия и вытекающая отсюда необходимость покупать то, что прежде производилось дома.

Влача за собой обрывки цепей крепостного права, которое надолго переживает свою юридическую отмену, крестьянство первое время и от новых условий получает только отрицательные стороны, – перенаселение, трудность приспособления к рынку и еще нередко несение тяжелых податей для растущих денежных потребностей государства.

Потому естественно, что крестьянское хозяйство в начале капиталистической эры отличается необыкновенно низ-

ким уровнем. Деревня является в большинстве случаев болотом пауперизма, причем чем далее, тем становится хуже. Относительное благосостояние, выработанное при условиях крепостного быта, постепенно утрачивается под давлением непосильной борьбы и растущего населения, которое не имеет еще достаточного отлива. На этой почве вырастают все ядовитые злаки, какие свойственно перенаселению: кулачество, голодные аренды и пр. Голодовки не только не исчезают, но как будто даже усиливаются. Так дело продолжается до тех пор, пока развившаяся промышленность не сдвинет севшего на мель корабля народного хозяйства в открытое море.

Отдел третий. Экономические особенности колониального развития капитализма

Глава VIII. Северо-Американские Соединенные Штаты

1. Основные черты развития народного хозяйства в Соединенных Штатах

Развитие капиталистического производства в Европе является, в известном смысле, вынужденным необходимостью дальнейшего уплотнения населения. Оно порождается оскудением свободных и несвободных даров природы, закон убывающего плодородия почвы, этот бич человечества, а вместе и самый надежный его руководитель по пути прогресса, стоит у колыбели капитализма, повелительно требуя перехода к новой, высшей форме производства. Нищета и перенаселение характеризуют общественное состояние в начале капиталистического развития. Делом капитализма является урчаивать эту нищету повышением производительности человеческого труда, устранить первоначальное перенаселение повышением ёмкости территории относительно населения. Мы видели, что состояние населения (и перенасе-

ления) задает тон всему капиталистическому развитию. С ним связаны судьбы рабочего класса, который от нищеты перенаселения поднимается до высокого культурного уровня, причем экономия высокой заработной платы заступает место экономии низкой. С ним связаны судьбы земледелия, ибо волна перенаселения, поднимая крупное хозяйство, опускает крестьянское, напротив, по миновании состояния перенаселения, ослабевает крупное хозяйство и укрепляется мелкое.

Но если в колониях отсутствует первоначальное перенаселение, то отсутствует и первоначальное накопление, – точнее, процесс этот выполняется в метрополии, колонии же получают уже готовый, накопленный капитал из метрополии. Колонии являются в некотором смысле Аркадией, беспечальной страной, которая не знает самых мучительных стадий развития промышленного капитализма, – стадий предкапиталистического перенаселения и первоначального накопления. Они пользуются плодами этого развития, муки которого пережила старая Европа, не зная унаследованной и застарелой бедности, они сразу вступают в стадии высокого развития производительности труда и народного богатства. Вот в чем кроется одно из самых основных условий изумительного роста народного богатства в Соединенных Штатах.

Первая и наиболее непосредственная причина, почему высокопромышленная страна заинтересована в колониях, есть закон убывающего плодородия почвы, благодаря кото-

рому является выгоден ввоз сельскохозяйственных продуктов, под условием вывоза промышленных. Отношения колониальной страны и метрополии строятся далее на возможности выгодного приложения капиталов, принадлежащих метрополии, в колониях. Известно, что прибыль на капитал так же, как и заработная плата, в колониях выше чем в метрополии. До известной степени, этот высокий уровень и прибыли, и заработной платы зависит от одной и той же причины, – от слабости конкуренции в новых странах и от изобилия здесь естественных богатств, благодаря которому общая производительность труда весьма высока. Этот высокий уровень производительности труда превращает здесь абсолютно высокую заработную плату в относительно низкую (чем и создается основа экономии высокой заработной платы, этого, прежде всего, американского явления).

Это значение колонии было также выяснено Уэкфильдом, который писал следующее: «В Америке высоки как прибыль, так и заработная плата. В Америке земля так хороша, она приносит столь обширный продукт труда и капитала, что все возделывающие ее получают очень много. Хорошей земли в Америке так много, что для каждого нет никакой необходимости затрачивать свой труд и капитал менее производительно, чем в земледелии. Поэтому весь капитал, затрачиваемый в Америке, дает высокую прибыль и высокую заработную плату... В Англии поле производства ограничено... Это ограниченное поле производства так полно капитали-

стов, что они, соперничая между собою, понижают прибыль до весьма низкого уровня, и так полно рабочими, что они, конкурируя друг с другом, уменьшают заработную плату до весьма низкого уровня... В Англии оба класса, и капиталисты, и рабочие, борются из-за места (room). Потому низкая прибыль и низкая заработная плата обязаны своим происхождением ограниченности поля производства для труда и капитала».

Фабричная система еще не вытеснила собою системы домашнего или индивидуального труда. В процесс производства разделения труда не существовало. Ученичество было весьма распространено, и ученики должны были обучаться всему производству, а не только одной какой-либо специальности, как в настоящее время; башмачник должен был, напр., учиться всему производству, начиная от дубления кож и кончая отделкой башмака. Благодаря этому между мастером и учеником существовали более близкие отношения, чем в наши дни. Отрасли промышленности не составляли удела корпораций. В употреблении были немногие и притом грубые орудия; не было ни уменья, ни средств строить машины. При недостатке рабочих рук крупное производство могло существовать только на основе несвободного труда. Рабство явилось поэтому экономической необходимостью в колониях, раз вообще была почва для крупного производства. Наряду с рабством негров, другой формой обеспечения трудом крупного предприятия являлось и временное закабале-

ние белых, по преимуществу, за долги.

Период от 1815 до 1830 годов в Соединенных Штатах К. Райт определяет как период переходного состояния промышленности; он начинается введением фабричной системы и заканчивается более или менее полным ее распространением в крупной текстильной промышленности.

В Соединенных Штатах не население опережало рост капитала, а капитал опережал рост населения. Поэтому, если первые стадии развития капитализма в Европе отмечены хроническим избытком населения, то в Америке наоборот, – хроническим его недостатком. Уже в силу этого заработная плата здесь должна находиться на высшем уровне, чем в Европе. Но есть и другая могущественная причина, гарантирующая рабочему известный, сравнительно высокий уровень заработной платы, – это наличность свободной земли и возможность для каждого рабочего бросить промышленность и завести собственное хозяйство.

В Америке перемена профессий, не исключая и земледелия, есть самое обычное явление, основная черта американской жизни. Американец всего больше соответствует тому отвлеченному «экономическому ману», от представления о котором исходила в своих дедукциях классическая школа.

Итак, высокий уровень заработной платы сравнительно с Европой является фактом общепризнанным. Из этого факта вытекает несколько важных следствий. Прежде всего, предприниматель, выплачивая высокую заработную плату,

требует и напряженного труда. Другими словами, Америка является областью полного господства экономии высокой заработной платы, которая нашла здесь и видных теоретиков (Шенгоф, Гентон и др.). Приведем несколько устарелое, но зато чрезвычайно выразительное свидетельство Дуэ относительно интенсивности американского труда: «От рабочего требуется здесь вдвое или втрое большее количество труда, чем в Европе. Машины на фабриках идут почти вдвое скорее чем в Англии и втрое скорее чем в Германии. При прядении хлопка рабочий делает до 20 английских (4 немецких) миль в день; ткач, который не может присматривать, по крайней мере, за двумя станками, едва ли проживет своей заработной платой. Каменщик, который кладет в день менее 2500–3000 кирпичей, найдет работу только в случае особой нужды, потому что четырехэтажные дома в 25 футов ширины и 60 вышины должны быть готовы в 4 месяца. Сельский рабочий должен быть в состоянии один наблюдать за 40 акрами, и при этом его рабочий день даже летом продолжается не более 10 часов. Здесь в Америке никто не располагает временем, чтобы курить во время работы. На фабриках нельзя болтать, петь или вообще делать какой-либо перерыв; это запрещено или же становится запрещенным само собою». Естественно, что такая напряженная работа требует и соответствующего питания. «Одним картофелем, хлебом и вообще мучнистыми продуктами не может прожить ни один американский работник. Даже итальянцы, словаки и ирландцы,

привыкшие дома к исключительно растительной пище, скоро усваивают привычку получать больше трех раз в день мясо или вместо него яйца, масло и сыр, молоко, рыбу и питательные напитки. Растительные блюда служат не больше как приправой и употребляются в малом количестве»¹⁵.

Дороговизна рабочей силы составляет одну из сильнейших причин,двигающих Америку по пути промышленного прогресса и совершенно исключительного здесь развития машинного производства. «Естественно, экономия в средствах производства прежде всего направляется на самый дорогой его фактор, – именно, заработную плату. Насколько невозможно ее понизить, стараются по возможности совсем ее не платить, замещая труд капиталом». Отсюда понятно происхождение специально американского гения, – изобретательности. Им Америка обязана колониальному характеру своего развития.

Американскому предпринимателю приходится иметь дело не только с дорогой рабочей силой, но и сравнительно низшего качества: постоянно прибывающая волна эмиграции приносит далеко не лучших представителей европейского труда. К тому же указанная текучесть американской жизни, частые перемены профессий мешают образованию у широкого круга рабочих той технической выучки, которая составляет в Европе отличие, так назыв. *skilled labour*.

---

¹⁵ Douai Die Lage der Lohnarbeiter in Amerika (в Tenner's Amerika. Der heutige Standpunkt der Kultur). Berlin. 1884. Стр. 133. ib. 135.

Этим объясняется другая черта американской техники, превосходно выясненная Сарториусом: стремление расширить сферу необученного труда на счет обученного, что, при прочих равных условиях, требует более сложных и многочисленных машин. Эта черта, – также прямой результат колониального характера развития, – противодействует развитию рабочих союзов английского типа, – замкнутой организации отдельных профессий, но требует широкого, не профессионального, а локального, иногда даже национального сплочения труда (рыцари труда, американская федерация труда). Отсюда понятны огромные различия в английских и американских рабочих организациях.

Слабое развитие профессиональных союзов и прочих боевых организаций в Америке объясняется также и тем, что при данных экономических условиях в них нет необходимости, – все важнейшие функции их исполняет *свободная земля*. Экономическую роль рабочих организации в капиталистическом хозяйстве можно выразить так, что они содействуют, ускоряют и вынуждают переход от экономии низкой заработной платы, которая господствует во всех старых странах в начальные стадии капиталистического развития, к экономии высокой заработной платы. В Америке такой задачи не существует: благодаря свободной земле развитие капитализма и началось здесь прямо с экономии высокой заработной платы. В частности, рабочие организации стремятся обеспечить своим членам известный уровень заработной

платы, – здесь это обеспечивает своей реальной или потенциальной конкуренцией свободная земля, – страховать своих членов от безработицы, – и это делает свободная земля, – гарантировать им известную продолжительность рабочего дня и условия труда, – но это само собой разумеется при той интенсивности труда, которая вынуждается экономией высокой заработной платы. Свободная земля – палладиум американских рабочих, вернее обеспечивающий их интересы, нежели всякие рабочие организации.

Для американского рабочего сословия фонд свободной земли даже после своего истощения является благотельным, ибо благодаря ему создан высокий уровень *standart of life*, который легче отстоять, чем завоевать вновь. Рост потребностей у рабочего, достигшего уже известного уровня развития, ведет к постепенному поднятию заработной платы и препятствует ее понижению. Поэтому и в Америке, вместе с ростом народного богатства, мы видим непрерывное повышение заработной платы.

Новейший американский автор пишет о потребностях теперешнего американского фермера следующее: «Хотя цены упали, но уровень жизни поднялся. Многие из того, что составляет в настоящее время предмет удобства и комфорта, 40–50 лет тому назад являлось роскошью, доступной только богатым людям. Например, в Сев. Каролине средний фермер имел сахар в кофе только по воскресеньям. Он сам делал свои плуги, бороны, ручки, люльки и спицы, строил свой дом

и сарай. Его жена шила не только платье для всего семейства, но и матрацы, подушки, одеяла и т. д. Теперь фермеры строят лучшие дома, покупают столы, шкапы, скатерти, чулки, занавески, картины, пианино, органы, часы и т. д. Они покупают больше и лучшего качества платье, шляпы и обувь. Они едят лучше приготовленную пищу, покупают больше рыбы, мяса, сахара, кофе и риса».

На долю американской энергии и предприимчивости должны быть отчасти отнесены успехи американского земледелия. Но не эти качества, как они ни ценны, обусловили ту всепобеждающую силу американского земледелия, от которой рушится и стонет земледелие европейское. Успехи эти стоят в связи с колониальным характером американского земледелия, с обращением под обработку новых земель; благодаря этому экстенсивному, а не интенсивному повышению производства, росла производительность американского земледелия: производство зерновых хлебов с 1839 по 1889 год выросло с 615 625 312 буш. до 3 518 816 904 буш., а в частности, пшеницы с 84 823 272 до 486 373,968 буш. Причины американской конкуренции лежат не в каких-либо преимуществах американского земледелия как такового, преимущества эти не играют никакой существенной роли, – поселите в Америку русского мужика и он будет почти столь же опасным конкурентом европейскому земледелию, как и теперешний американский фермер.

Причина эта в том, что, благодаря изобилию свободной

земли, здесь временно не чувствуется закон убывающего плодородия почвы; преимущества Америки в данном случае не в культуре, а в некультурности. Так как рента и цена земли являются функцией закона убывающего плодородия почвы, результатом ограниченности производительных сил земли, то здесь нет или почти нет и ренты и цены земли. Левассер говорит: «Американцы употребляют мало удобрения. Земля в большинстве штатов еще не имеет достаточно высокой ценности для того, чтобы возделыватель решился увеличивать ее производительность, затрачивая лишний капитал. До сих пор дело больше сводилось к возделыванию новых земель, а не мелиорированью старых»¹⁶. Сюда же относится и односторонний характер американского земледелия, который является результатом стремления извлечь наибольший доход из земли с наименьшими издержками. Этого рода разделение труда или, точнее, специализация производства, не только не имеет ничего общего с разделением труда в промышленности, но является также одной из форм хищ-

---

¹⁶ Ср. также Ратцел: «Низкая цена земли и высокая цена труда объясняют достаточно многие отличительные особенности американского земледелия, предпочтение, которое оказывают они машинам, также эстетические недостатки в домах и в садах, которые чувствительны многим европейцам. Тщательное возделывание и чистота европейских помещений не встречается на западе, чаще на востоке... С тех пор как крупный капитал овладел обширными площадями, чтобы подвергнуть их быстрой эксплуатации, это хищническое земледелие создаст большую опасность для будущих поколений». (В русской литературе имеется немало описаний хищнического хозяйства зап. штатов, так что мы можем ограничиться сказанным).

нического хозяйства, при котором менее всего заботятся о наиболее использовании земли.

Недостаток рабочих, естественно, составляет основную особенность американского земледелия; если он чувствуется здесь и в промышленности, тем более он должен чувствоваться в земледелии. Американский хозяин должен прежде всего и во всем экономить труд. В связи с этим стоит чрезвычайно низкая работоинтенсивность хозяйства, существующего наемным трудом, а также и его односторонность, позволяющая большее сбережение труда. «Благодаря необходимости экономить труд, остаются невыполненными меньшие работы, которые в Европе служат к украшению и содержанию в чистоте имения и усадьбы. Столь аккуратно и чисто содержимых дворов, столь опрятного содержания поля, столь хорошо вычищенного скота, как все это часто встречается в имениях Германии и Австрии, я почти не видал в Америке», – пишет проф. Вилькенс.

Благодаря общему недостатку рабочей силы в Америке, сельскохозяйственные рабочие не являются такими париями рабочего сословия, как в Европе, – они предъявляют совершенно такие же требования, как и промышленные рабочие.

Стремление экономить на заработной плате приводит, прежде всего, к тому, что предприниматели стремятся записать рабочего не на весь год, а на определенный срок, на то время, когда в наибольшей степени сосредоточиваются сельскохозяйственные работы. Это вызвало своеобразное

явление американской жизни, – странствования земледельческих рабочих, составляющих условие существования пустынных ферм дальнего Запада.

Вторым следствием недостатка рабочей силы и высокой заработной платы является широкое распространение сельскохозяйственных машин, стремление усилить капиталоинтенсивность хозяйства за счет трудоинтенсивности. Условием, облегчающим широкое применение машин, является крайне экстенсивный, а вместе однообразный характер сельскохозяйственного производства в Америке. Мы уже знаем, что машина находит тем больший доступ в сельское хозяйство, чем оно экстенсивнее и проще, одностороннее; степень участия машин в производстве должна уменьшиться после того, как американское земледелие станет интенсивнее. Обширные девственные степи, ровные и свободные от камней, представляют особенно благоприятное поле для паровой обработки в обширных хозяйственных комплексах.

Машинная обработка почвы облегчается и тем, что здесь машина сама идет к фермеру. Большая часть машинных фабрикантов и торговцев имеют агентов, которые разъезжают по стране и, не щадя красноречия, нахваливают сельским хозяевам свои машины, которые отдаются в кредит. Этот кредит, конечно, весьма дорог, он обходится иногда в 40 %, но в большинстве случаев машина очень необходима, чтобы заменять дорогую заработную плату. «Если фермер не может по размеру своего имения или средств сам купить под-

ходящую машину, то он соединяется с одним или несколькими соседями в маленькое товарищество и машина приобретается сообща; или же, что также нередко бывает, он совсем отказывается от покупки нужной машины и нанимает ее у другого сельского хозяина или предпринимателя за соответствующую плату... Во многих местах установился такой обычай, что фермер за деньги отдает косить хлеб особым предпринимателям, которые ездят со своими машинами от фермы к ферме. По местам и при особых обстоятельствах владельцы поручают другим даже пахать свою землю, в том случае, если требуется необыкновенно глубокая вспашка, для чего употребляется, большей частью, паровой плуг, или же если впервые запахивается прерия или пастбище».

Машинное производство сделало мыслимым возделывание пустынных областей Запада, которое было бы невозможно иначе в силу недостатка рабочей силы. Вместе с тем оно повысило в несколько раз производительность рабочего, точнее, ту земельную площадь, которую он может обрабатывать. Машина до известной степени регулирует и должную интенсивность труда, благодаря чему относительно удешевляется рабочая сила.

Заключение

Глава IX. Основные особенности современного момента развития капитализма

Капиталистическое производство никогда не являлось, строго говоря, *народным* хозяйством, уже его первые шаги отмечены интернациональным характером. В настоящее же время капитализм представляет собою, несомненно, явление *мирового* хозяйства, которое может быть понято только как таковое. В особенности же судьбы развития сельского хозяйства находятся в исключительной зависимости от мирового рынка. Поэтому, чтобы подвести окончательные итоги всего нашего изучения, нам следует еще выяснить современные особенности мирового рынка.

Капиталистические и некапиталистические страны, составляющие в своей совокупности целое мировое хозяйство, связаны между собою несколькими цепями, различного материала и различной прочности. Все эти различия погашаются в понятии *внешней торговли*, которая представляет собою общий итог зависимости стран между собою; но они должны быть особо выделены в теоретическом анализе.

Первая цепь, связующая между собою все культурные страны, есть международная торговля в собственном смысле как результат международного разделения труда. Эта цепь, выкованная из прочного металла, становится все прочнее с развитием культуры. В основе этой формы разделения труда лежат естественные различия в условиях производства, позволяющих производить данный товар при наиболее выгодных условиях или вообще создающих возможность производства данного товара (напр., определенный климат). Особенность этого разделения труда состоит в том, что все меняющиеся страны выигрывают от такого обмена, он предполагает поэтому отношения равенства и отсутствие эксплуатации одной страны другой. Это разделение труда является естественным последствием роста и утончения потребностей, которому не в силах удовлетворить даже разносторонне развитое внутреннее производство. По справедливому замечанию Зомбарта, эта форма внешней торговли растет и будет расти вместе с культурой. Именно ростом этого рода внешней торговли объясняется тот факт, что наибольшая доля торговли самых культурных стран падает на обмен их между собою; «рынок» в наибольшей степени создают друг для друга капиталистические страны.

Вторая цепь, связующая между собою страны в международном обмене, сделана совсем из другого металла, чем первая. Это – зависимость одних стран от других как от *своего рынка*. Ни одна страна и ни одна отрасль производства

не обладают волшебной привилегией быть всепоглощающим и ничего не возвращающим рынком, что рынком являются разные отрасли производства друг для друга. Развитое капиталистическое производство представляет собою самодовлеющий рынок, способный к автоматическому расширению как путем дальнейшего разделения общественного труда или экстенсивного развития капитализма, так и роста уже существующих отраслей, или интенсивного развития капитализма.

Третья цепь, связывающая страны в международном обмене, отлита из совсем иного металла, чем две предыдущие. Она обязана своим существованием закону убывающего плодородия почвы и связывает между собою страны, вывозящие продукты земледелия, и их ввозящие. Эта зависимость стран, ввозящих от стран вывозящих, характеризует собою, мы знаем, развитие мирового капитализма как явления популяционистического и находится в зависимости от особого способа поднятия ёмкости территории относительно населения в капиталистическом обществе. Стоимость ввозимых предметов пищи играет в теперешних капиталистических странах немалую роль в общем составе импорта.

Однако значение импорта продуктов земледелия нужно мерить не фактическими размерами ввозимой ценности (эта ценность за последнюю четверть века к тому же относительно понижается благодаря понижению цен на продукты зем-

леделия), но его историческим значением для импортирующих стран, которые освобождаются, благодаря этому ввозу, от ига убывающего плодородия почвы. Капиталистическая цивилизация в теперешнем масштабе едва ли была бы возможна без этого условия, оно имеет хотя отрицательное, но колоссальное значение. Городская цивилизация и промышленность, быть может, уперлись бы в барьер убывающего плодородия почвы, выражающегося в росте цен на продукты земледелия, как он начался было в первую половину капиталистического развития, и зачахли бы, недоразвившись.

Какие же могут быть сделаны выводы относительно капиталистического развития в его целом? Единственный, заслуживающий внимания, диагноз и прогноз относительно капиталистического хозяйства принадлежит Марксу и сделан 33 года тому назад. По учению Маркса, естественная концентрация производства неизбежно ведет к обращению средств производства из частных в общественные и установлению социалистического хозяйства. Насколько можно признать справедливым учение Маркса для настоящего времени? Никто не спорит, что Маркс чересчур упростил и схематизировал ход развития промышленности, в котором тенденция к концентрации производства есть только одна из многочисленных тенденций, как централизующих, так децентрализующих. Равнодействующая этих тенденций выражается, действительно, в общей, хотя и слабо выраженной, концентрации производства, но эта концентрация ни по ха-

рактору, ни по темпу, ни по значению не является такой, какой представлял ее Маркс. Тем не менее, для обрабатывающей промышленности за диагнозом Маркса нельзя отрицать известной относительной правоты. Но он совершенно неправ касательно земледелия. В земледелии не только никакой концентрации не происходит, но с чрезвычайной силой выступают децентрализующие тенденции.

Но раз земледелие и промышленность (а также и торговля) характеризуются если не противоположным, то, по крайней мере, различным ходом развития, можно ли развитие капиталистического хозяйства определить какой-нибудь одной господствующей тенденцией, как попытался сделать это Маркс, очевидно, нельзя. Формула, по которой этот ход развития определялся бы в сторону концентрации или наоборот, была бы неверна, потому что не учитывала бы всей фактической сложности развития. Поэтому общее воззрение Маркса о развитии капитализма, с неотвратимой необходимостью ведущем к коллективизму, также неверно.

Единственное, что позволяют нам утверждать данные науки, это то, что настоящее экономическое развитие ведет к постепенному отмиранию самых тяжелых и грубых форм эксплуатации человека человеком, хотя и разными способами; в промышленности – концентрируя производство и подвергая его все более общественному контролю, в земледелии – уничтожая крупное предприятие и ставя на его место крепкое крестьянское. Оба эти течения объединяются в

мощном демократическом потоке, который – можно сказать с чувством удовлетворения – приносит новые, лучшие, более удовлетворяющие требованиям социальной справедливости общественные формы.

Но если диагноз и прогноз Маркса уже потеряли свое значение в применении к развитию форм капиталистического предприятия, то еще больше они утратили цену в применении к развитию капиталистического хозяйства в его целом. Они основываются на наблюдениях над развитием английского капитализма 40–50-х и, пожалуй, начала 60-х годов, – эпохи английской супрематии, момента высшего развития товарного экспорта. Капиталистическое развитие всех прочих стран и связанные с ним изменения в мировом рынке – все это пришло позже. Связанность стран во взаимном обмене на почве международного разделения труда тогда только еще устанавливалась. Проблемы, которую ставит будущему закон убывающего плодородия почвы, совсем не существовало для Маркса. Прогноз Маркса, имевший определенное значение для своего времени, для настоящего времени не неверен, а просто неприложим, ибо лишен всякого содержания.

Ошибка Маркса да послужит нам предостережением. Она объясняется не тем, что ему не хватало ума, – ум он имел гениальный, – и не тем, что ему не хватало знаний, – он принадлежит к самым ученым экономистам не только своего, но и всех времен, – она объясняется общими социально-фи-

лософскими воззрениями Маркса, его переоценкой действительных способностей и значения социальной науки, границ социального познания.

Булгаков С. Н. Что такое трудовая ценность¹⁷

На долю редкого научного произведения выпадают столь разноречивые суждения научной критики, какие встретил недавно вышедший III том *Капитала* Маркса. Наряду с хвалебными отзывами, по которым в III томе Маркс блистательно завершил свою систему, встречаются и такие, которые объявляют этот том крахом всей научной системы *Капитала*. Совершенно особое место в критической литературе о III томе занимает статья проф. Зомбарта¹⁸, представляющая, по нашему мнению, самое замечательное и, без сомнения, самое оригинальное из всего, что пока написано об этом предмете. Зомбарт делает попытку дать совершенно новое истолкование понятию ценности и прибавочной ценности Маркса и этим истолкованием уничтожить ту несогласованность, которая представляется на первый взгляд между соответствующими учениями I-го и III-го томов *Капитала*. Изложению и критике этой интересной попытки и посвящена настоящая статья.

---

¹⁷ Доклад, читанный в заседании Московского Юридического Общества 9-го октября 1895 года. Дается с существенными сокращениями.

¹⁸ Prof. Dr. Werner Sombart. Zur Kritik des ökonomischen Systems von Karl Marx. Arch. f. soc. Gesetzg. und State VII B. 1894, IV.

Читатели III-го тома *Капитала* знают, как разрешен там знаменитый вопрос о равенстве прибыли. Сущность этого решения (до подробностей нам пока нет дела) сводится к тому, что товары вымениваются не по трудовой стоимости, а по особому масштабу, ценам производства. Это решение вызовет, по словам Зомбарта, в большинстве читателей то же, что вызывали когда-то ответы кандидата Jobses'a пред лицом высокой экзаменационной комиссии: общее покачивание головой. Одни, видевшие уже в учении о ценности 1-го тома замаскированную теорию издержек производства, найдут в III томе лишь подтверждение своих воззрений. Другие не признают теперешнего решения «загадки Сфинкса» за решение: узел разрублен, но не развязан. Но есть и такие, которые в учении III тома увидят нечто само собой понятное: для них никогда и не существовала загадка, столь занимавшая большинство последователей трудовой теории. Откуда же такое различие мнений? Оно коренится, по мнению Зомбарта, в различном толковании понятия ценности и прибавочной ценности у Маркса. В неясности, существующей относительно этих понятий до сих пор, лежит причина пресловутой «загадочности». Поэтому мы можем приобрести надлежащую точку зрения на учение III тома, лишь ответив на основной вопрос: какое значение имеет ценность в

экономической системе Маркса?

Чтобы соблюсти точность в передаче абстрактного и не всегда ясного изложения Зомбарта, постараемся передать его мысли возможно ближе к подлиннику. Сначала Зомбарт характеризует ценность следующими, чисто отрицательными чертами: «ценность не проявляется в меновом отношении капиталистически производимых товаров. Она не есть также пункт, около которого колеблются рыночные цены, или центр, к которому они тяготеют: ценностям не соответствуют даже и *средние цены*». Далее: «ценность не существует и в сознании капиталистических производителей: она не руководит даже расчетом капиталиста. Еще незначительнее ее роль, как фактора распределения в разделе общественно-го годового продукта. Она вовсе не составляет факта сознания продавцов и покупателей товаров. Словом, она не составляет “условия хозяйственной деятельности” (по удачному выражению Герлаха)». Если так, то где же существует ценность и что она такое? Она существует в мышлении теоретика-экономиста, она есть «не эмпирический, но мыслительный факт». Точнее, «понятие ценности есть вспомогательное средство нашего мышления, которым мы пользуемся, чтобы сделать себе понятными феномены хозяйственной жизни, это факт логический»¹⁹.

---

¹⁹ Зомбарт оговаривается здесь, что термин логический употреблен им для краткости, хотя он хорошо сознает множественность значений этого термина в философском языке.

«Благодаря представлению о ценности становится возможным, что товары, различные качественно, как предметы потребления, являются для нас определенными количественно. Этот постулат я выполняю, принимая сыр, мыло, вакуу исключительно продуктами абстрактного человеческого труда и сравнивая их только с количественной стороны», т. е. как воплощения труда, измеряемого рабочим временем.

Но в то же время меновой закон играет роль естественного закона, находящего объективное осуществление в обмене товаров, как это признает и Зомбарт. Отсюда возникает вопрос: не стоит ли в противоречии определение ценности, как логической категории, с пониманием менового закона, как естественного закона, который господствует над движением цен? Дальнейший анализ понятия ценности обнаруживает, что такого противоречия не существует. Дело в следующем. Делая товары количественно соизмеримыми, какой признак полагаем мы в основу этой соизмеримости? Не общее ли товарам, как физическим телам, свойство тяжести? Нет, мы кладем в основу этой соизмеримости тот признак, что блага эти суть продукты человеческого труда. «Далеко не безразлично, что в наше представление о ценности мы влагаем именно это содержание; ведь тем самым мы констатируем, что мы рассматриваем товары, как продукты общественного труда, а это составляет их самый выдающийся экономический объективный признак. Хозяйственное бытие

человека, его материальная культура обусловлена тем количеством хозяйственных благ, которыми он может располагать в данный период времени, а это количество в свою очередь (при равных прочих обстоятельствах и при равных естественных условиях производства) зависит от производительной силы общественного труда. Эта сила составляет сама по себе лишь *технический* факт и определима качественно и количественно: она обнаруживается в том, что определенного вида конкретный, индивидуальный труд может в данное время произвести известное количество качественно определенных благ», (напр. сапожник в день может изготовить две пары сапог, портной – один сюртук и т. п.) «Посредством же представления о ценности я погашаю качественное различие в производительном труде. Мысля товары только как воплощение безразличного, абстрактного общественного труда, я тем самым техническому понятию производительности труда придаю адекватную экономическую форму и этим делаю его доступным *экономическому мышлению*». С этой точки зрения сапоги, сюртук и т. п. перестают быть продуктами определенного труда портного, сапожника, а являются представителями абстрактного труда, лишённого всякого качества и сведённого к простой затрате нервной и мускульной силы. «Понятие *ценности у Маркса в материальном смысле есть ничто иное, как экономическое выражение производительной силы общественного труда как основы хозяйственного бытия*».

Если таково понятие ценности, то в чем же состоит меновой закон? Формальное определение последнего таково: ценность управляет в последней инстанции всеми хозяйственными явлениями. Подставляя в это формальное определение данное уже определение ценности в материальном смысле, находим: *«ценность есть специфическая историческая форма, в которой выражается производительная сила общественного труда, управляющая в последней инстанции всеми хозяйственными явлениями»*. Тогда только и можно правильно понять систему Маркса, – добавляет Зомбарт, – если помнить, что «в центре ее стоит понятие производительности труда, находящее свое экономическое выражение в понятии ценности».

Таким образом, в найденном определении примиряется противоречие между первоначальным (формальным) и последующим (материальным) определением ценности. Понятие ценности прежде всего есть вспомогательное средство нашего мышления. Но так как содержанием этого понятия берется первостепенной важности объективный факт – производительная сила общественного труда, «меновой закон становится законом, фактически господствующим в народном хозяйстве, или, точнее, ее регулирующим принципом». Значение теории ценности Маркса нужно искать, таким образом, в том, что она нашла для технического факта производительности труда адекватное экономическое выражение.

Истолковав так закон ценности, мы без труда можем по-

нять и сущность прибавочной стоимости. Для этого необходимо стать на общественно хозяйственную точку зрения и исходным пунктом взять общественное рабочее время. Оно выражается в определенном количестве продуктов, представляющем известную ценность. «Прибавочная ценность в формальном смысле есть ценность того количества продуктов, которое составляет излишек сверх определенного каким-либо образом количества их: овеществление общественного прибавочного труда». В этом смысле прибавочная ценность мыслима при всякой общественной организации. Особенность капиталистической организации состоит в том, что определенное количество труда осваивается капиталом. Эта освоенная капиталом сумма общественного труда и есть прибавочная ценность в капиталистическом смысле. Определима ли количественно эта сумма? Да, определима: это весь излишек труда сверх того, который необходим для содержания и воспроизводства рабочей силы. Но как точнее определить это количество «необходимого» труда? Для этого нужно определить понятие производительного работника и его плату.

Итак, какой же труд производителен? Труд тех, кто создает ценность, т. е. кто производит потребительные стоимости в количестве, необходимом для существования общества в данный момент, независимо от исторической формы (напр. капиталистической) его организации. Все лица, занятые собственно в процессе труда, от руководителя предпри-

ятия до последнего рабочего, лица, занятые сбережением, транспортировкой и т. п., составляют производительных работников, создающих ценность. Лица же, существование которых обусловлено историческим характером производства, как напр. агенты обращения, рантье, капиталисты, государственные функционеры (врачи, чиновники и т. п.), составляют класс непроизводительный. Теперь возвратимся к исходному пункту рассуждения: мы вышли из проблематического отношения теории ценности и прибавочной стоимости к теории издержек производства и прибыли и сказали, что отношение это теряет свой «загадочный» характер при правильном понимании учения Маркса о ценности и прибавочной стоимости. Эта «загадочность», по мнению Зомбарта, устранена предшествующими рассуждениями. Именно, выяснилось прежде всего, что с *формальной* стороны издержки производства не имеют ничего общего с ценностью, как прибыль с прибавочной стоимостью. В понятиях ценности и прибавочной стоимости констатируются и становятся доступны нашему мышлению *общественные* факты; издержки же производства и прибыль суть эмпирические факты *индивидуальной, частной* промышленной жизни. «Это суть отношения расчета конкретных агентов производства».

Заметим, что в выражении *издержки производства* Зомбарт объединяет два совершенно различных понятия: во-первых, определение стоимости по затратам капитала на производство, причем прибыль является пропорционально

этим затратам наградой капиталиста за воздержание; такова эта теория в руках Милля, Кэрнса и др. Все дело, значит, сводится здесь, действительно, к «отношениям расчета» агентов производства. Эта точка зрения индивидуальная и субъективная.

Во-вторых, сюда же относит Зомбарт и определение ценности по затрате общественно-необходимого труда на производство товара, по *издержкам* труда на производстве. Такова, в наших глазах, теория ценности Рикардо и Маркса. Здесь в основу ценности кладется объективный принцип общественного характера, почему и точка зрения эта является объективной и общественной.

Таким образом, Зомбарт отрицает не только связь ценности с *издержками производства* в обычном значении этого термина, но и связь ее с затратой общественно-необходимого труда на производство каждого отдельного товара, издержками общественно-необходимого рабочего времени.

Само собой ясно, продолжает Зомбарт, что прибыль каждого отдельного капиталиста не стоит ни в каком отношении к производимой им прибавочной стоимости. Подобное воззрение было бы просто абсурдом. Зомбарт идет так далеко в отрицании формальной связи между прибылью и прибавочной стоимостью, что говорит: «гипотеза, которую, по видимому, Маркс делает в X гл. III тома (гипотеза, по которой различные нормы прибыли выравниваются в среднюю посредством конкуренции; в этой гипотезе и заклю-

чается решение «загадки»!) не только излишня, бесполезна для экономической системы Маркса, наоборот, ее отсутствие составило бы украшающий недостаток системы. Чтобы достигнуть средней нормы прибыли, теоретически нужно, конечно, принять за исходный пункт различные прибыли отдельных капиталов, но не эмпирически. Выравнивание различных норм прибыли капиталов различного органического состава²⁰ в среднюю норму есть мыслительная операция, но не факта действительной жизни». Тем не менее теория ценности и прибавочной стоимости имеет не декоративный только характер. Она служит двойную службу: 1) она есть необходимый реквизит, чтобы сделать доступными нашему уму хозяйственные явления; 2) она регулирует и определяет факты хозяйственной жизни, через нее Маркс вводит закономерность в эту последнюю. Поэтому в материальном смысле существует весьма значительная зависимость между ценами производства и ценностями, прибылью и прибавочной стоимостью. Цены в последней инстанции регулируются общественно-необходимым рабочим временем; прибыли также регулируются отношением прибавочного времени к необходимому: совокупная прибыль равна совокупной прибавочной стоимости. Воспроизводить эту зависимость не входит в план статьи Зомбарта, ибо, как говорит он, для

---

²⁰ Органическим составом капитала называется пропорция, в которой капитал составляется из орудий и материалов труда (постоянная часть) и заработной платы (переменная часть).

этого нужно повторить содержание *Капитала*. В дальнейшем Зомбарт выражает сомнения, которые возбуждают в нем некоторые места III тома, плохо согласуемые с развитой точкой зрения.

Мы передали почти в дословном переводе рассуждения Зомбарта, и не наша вина, если в них представляются неясности и скачки. Обратимся к критике их.

II

Концепция Зомбарта характеризуется столько же отрицательными, сколько и положительными чертами, и отрицательная характеристика, пожалуй, даже более существенна, нежели положительная. По мнению Зомбарта (нигде, правда, прямо не высказанному, но красной нитью проходящему через всю его аргументацию), *меновый закон* – вопреки обычному его пониманию – *не есть правило обмена товаров, а нечто совсем иное*. Если поколебать это предположение; то сами собой падают и его собственные построения. В дальнейшем мы и попытаемся идти именно этим путем: мы ставим себе задачей показать, что с точки зрения Маркса немыслимо иное понимание менового закона, как правила обмена, и, следовательно, построение Зомбарта ошибочно в самом корне. Чтобы яснее показать несоответствие толкования Зомбарта с учением о ценности Маркса, нам придется напомнить некоторые черты этого учения, и мы заранее из-

виняемся перед читателем, если нам придется повторять общеизвестную теорию²¹.

Богатство капиталистического общества представляется в виде массы товаров. Товар, прежде всего, есть предмет внешнего мира, способный удовлетворять нашим потребностям, или потребительная ценность. При господстве товарного производства предметы, нужные для удовлетворения человеческих потребностей, изготавливаются отдельными, независимыми производителями и, как правило, изготавливаются не для собственного потребления, но для потребления других лиц, иными словами, имеют не индивидуальное, а общественное назначение. В том факте, что каждый производитель изготавливает продукты только данного вида, проявляется общественное разделение труда; в том факте, что продукты эти изготавливаются для сбыта и общественная потребность удовлетворяется усилиями индивидуальных производителей, сказывается особенность исторической эпохи – капиталистического (или вообще товарного) производства. Раз предметы общественного потребления изготовлены в нужном количестве, чтобы выполнить свое назначение, т. е. попасть в сферу потребления, им необходимо совершить известную метаморфозу – быть вымененными друг на друга. Лишь таким путем каждый отдельный производи-

---

²¹ Считаю нужным поставить особо на вид, что мы не имеем целью дать догматическое изложение теории Маркса, но излагаем ее лишь настолько, настолько это нужно для нашей цели.

тель отдает продукты своего труда; ненужные для собственного потребления, но нужные для потребления других, и, наоборот, получает продукты, ненужные для других, но нужные для себя. Путем такого обмена совершается удовлетворение общественных потребностей при товарном производстве, и он есть альфа и омега удовлетворения потребностей общества товаропроизводителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.